

Дни нашей жизни

Прошел еще один год. Шагами гиганта назвала Анри Барбюс наши годы, нашу поступь.

Глаза друзей и глаза врагов смотрят на то, что мы создаем, встречают и провожают каждый день, каждый час нашей жизни. Мир смотрит на нас. Друзья мы радуем, врагов огорчаем. И это хорошо!

В эти дни мы говорим: с наступившим Новым годом, друзья! Приветствие традиционное, привычное, но эти простые слова советских людей звучат всегда по-новому.

Как прожит минувший год — четвертый год пятилетки, что сделано? Еще статистики не повели итоги нашей работы в 1954 году, но, окидывая мысленным взором то, что сделано, мы реально, зрямо представляем себе те огромные материальные и духовные ценности, которые дал наш народ человечеству за этот, в сущности, короткий срок. И можно смело сказать, что сделано больше, чем это было предусмотрено нашими планами, потому что, вдохновляемые Коммунистической партией, советские труженики, опережая время, идут к намеченной цели. Слова «досрочно», «перевыполнено», «сверх программы» накрепко вошли в наш обиход.

Досрочно выполнены годовые планы работы нефтяной промышленности. Досрочно выполнены годовые планы выработки электроэнергии работниками электростанций.

Досрочно выполнены годовые планы погрузки работниками железнодорожного транспорта. Досрочно выполнены годовые планы производства бумаги и целлюлозы работниками бумажной промышленности.

Поступила такая же радующая сообщения и от работников других профессий, от тружеников полей, науки и культуры.

И как ни лаконичны эти вести, хочется представить себе ту громаду народных богатств, которую создали трудовые усилия миллионов. Хочется представить себе и весомость вклада каждого из нас, каким бы малым ни казался он на гигантском фоне мирного строительства Советской страны. Сознания это, большое удовлетворение испытывает советский человек.

Основой основ всей нашей экономики была и остается тяжелая индустрия. Ее развитие помогает нам неустанно повышать благосостояние народа и укрепляет неприступность советских границ. Наша тяжелая промышленность растет, становится все более мощной и совершенной. Выпускается в эти дни: в то время как вся промышленная продукция нашей страны в 1954 году увеличивается по сравнению с 1940 годом в 2,8 раза, продукция тяжелой индустрии возрастает в 3,4 раза. Вот показатели нашего роста, вот путь в удовлетворению все возрастающих материальных и культурных потребностей советского человека.

Вооружив могучей техникой все отрасли нашей промышленности и наше сельское хозяйство, в минувшем году мы создали еще один великий успех. Мыслимо ли было поднять за год более 17 миллионов гектаров целинных и залежных земель в Десле необжитых мест, если бы не было у нас могучего парка передовых сельхозмашиностроительных машин? Мыслимо ли было так колоссально развернуть строительство электростанций и заводов, построить в минувшем году в городах и рабочих поселках 30 миллионов квадратных метров жилой площади и примерно 400 тысяч жилых домов в сельской местности, если бы армия советских строителей не была оснащена передовой техникой и прогрессивными строительными материалами? Мыслимо ли было сделать так много для удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей населения, для крупного подъема производства предметов народного потребления, если бы сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность не имели бы прочной технической базы?

Мудрая партия коммунистов, для которой высший закон — благо человека, указала нам единственно правильный путь в процветанию и изобилию. За нашими успехами в промышленности и в строительстве нельзя не увидеть трудовой веры рабочих и инженеров, воплощение смелой мысли новаторов и, конечно, прогресс техники.

Но нас не устраивают — и об этом мы заявляем решительно — темпы роста производительности труда. За прошедшие четыре года пятилетки производительность труда выросла в промышленности на 33 процента, в строительстве — на 32 процента. Недостаточно. И в сравнении с директивами XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану, и в сравнении с ростом

реальной заработной платы, которая за тот же срок увеличилась на 37 процентов.

В 1955 году значительно повысить производительность труда — вот задача! Суровы были условия погоды в некоторых районах нашей Родины в минувшем году, но труженики сельского хозяйства добились значительного увеличения производства и заготовок хлеба: еще в 5 ноября колхозы и совхозы досрочно выполнили государственный план заготовок и закупок хлеба. Было сдано и продано государству на 289 миллионов пудов хлеба больше, чем в той же дате в предыдущем, 1953 году. Миллионы пудов хлеба, хлопка, технических и кормовых культур дали стране труженики сельского хозяйства. И здесь, разумеется, вдохновенный коллективный труд, опыт передовиков, прогрессивная агрономическая наука и могучая техника обеспечили успех дела. Решения последних Пленумов ЦК КПСС определили программу крупного подъема сельского хозяйства СССР. Добиться этого — вот задача!

Наша задача — результат сознательного труда и творчества миллионов. Все в нашей стране способствует расцвету личности, проявлению талантов, индивидуальности каждого человека. Возможности для приложения творческих сил человека у нас неограниченны и в труде, и в науке, и в искусстве. Напомним, что только в нашей стране ученые и инженеры смогли решить проблему, в которой заинтересовано все человечество. — использовать атомную энергию в мирных целях: в 1954 году введена в строй первая в мире промышленная электростанция, работающая на атомной энергии. Эта победа советской науки и техники не является венцом наших достижений — еще многое будет сделано. По-другому — участие людей труда в творческом научном процессе.

И литература наша тем и сильна, что она народная, что она стала частью общественного дела.

Только что закончившийся Второй всеобщий съезд писателей вызвал живой интерес у многих миллионов советских людей. Это вполне закономерно в стране сильной грамотности и высокой духовной культуры.

Съезд способствовал консолидации сил всех советских писателей. И можно уверенно сказать, что советская литература в наступившем 1955 году даст народу новые яркие произведения, которые будут не только правдиво отражать жизнь в ее революционном развитии, но и всемерно помогать победе нового в жизни, помогать партии воспитывать советских людей в духе коммунизма.

В мудром напутствии Центрального Комитета Коммунистической партии сказано, что советская литература призвана служить делу трудящихся, как самая передовая литература в мире, и быть на вершине мирового художественного творчества.

Выступая зарубежным гостем на съезде поэтов, как в глазах всего мира возросло значение советской литературы, борющейся за дружбу народов, за мир, за счастье человечества.

В новогоднюю ночь до сердца каждого гражданина Советского Союза рдовало полные уверенности слова Климента Ефремовича Ворошилова:

— Советский народ — хозяин своей великой страны, передовой барца за мир, свободу и счастье всего человечества — вступает в новый год полными творческих сил и неиссякаемой энергии, готовый с еще большим героизмом трудиться на благо своей любимой Родины!

Все наша большая, многонациональная, сплоченная советская семья с любовью и гордостью смотрит на своих зарубежных друзей и братьев, в едином лагере с нами отстаивающих мир и прогресс.

Как хорошо, что рядом с нами в одной цели шагают героический китайский народ, народы могучего лагеря мира и демократии. Мы идем вместе, друзья, в монолитном строю! И как бы ни пытались омрачить наш светлый и мирный небосвод поджигатели войны, мы знаем, мы верим: мир победит войну. Так будет!

А для этого каждый из нас готов работать и работать, отдавать всего себя, все свои силы, волю, разум на укрепление мощи своего Отечества, всего лагеря мира и социализма, на благо человечества.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (3347)

Вторник, 4 января 1955 г.

Цена 40 коп.

ЕСТЬ РЕЗЕРВЫ, И БОЛЬШИЕ!

Страница тетради, на которой школьник нетвердой рукой выводит первые буквы, и прозрачная калька, на которой конструктор вычерчивает детали новых машин; плотная бумага для рисования и книжная бумага, которая должна довести до читателя и не он заслужил эту двойку, а те, кто на фабрике плохо проклевал бумагу, не выполнили технологического режима.

Отрадно было узнать о том, что работники бумажной промышленности 28 декабря досрочно выполнили план 1954 года по производству бумаги и целлюлозы.

Бумага — это книги, журналы, газеты, школьные тетради. Увеличение выпуска бумаги помогает более полно удовлетворить все возрастающие культурные потребности советских людей.

Коллективы предприятий бумажной промышленности включились во всеобщее патристическое движение за досрочное выполнение пятого пятилетнего плана. «Больше бумаги для книг!» — обрелись к бумажникам в конце прошлого года группа советских писателей. На этот призыв последовал ответ: сотни тонн сверхплановой бумаги отгружали фабрики и комбинаты в адрес издательств и типографий.

И все же бумажники могли и должны были сделать больше. Резервы бумажной промышленности велики, а в техническом оснащении ее — серьезные пробелы.

Сегодня мы публикуем корреспонденцию бригады «Литературной газеты», которая рассказывает о скопанных, еще не использованных резервах бумажной промышленности. Пусть их в ход — вот задача! Ее должны решить совместно и люди производства, и люди науки.

А кое-кто из работников бумажной промышленности гордо заявляет: зачем же возиться с отживающими годами, если рано или поздно войдут в строй конические мельницы!

Правда, в минувшем году министерство решило, наконец, взяться за внедрение метода инженера Шеглова. Предприятия получили циркулярное письмо. Их уведомили, что министерство «за» непрерывный разлом в роллах. Но рекомендуют ознакомиться с этой технической новинкой по... газетным статьям.

Порой простая тетрадка доставляет ученику и его учителя много неприятных минут. Буквы на ней расплываются, появляются ляксы. Белыга-школьник ползает за ней двойку. Но, может быть, совсем и не он заслужил эту двойку, а те, кто на фабрике плохо проклевал бумагу, не выполнили технологического режима.

Собственно строгие требования предъявляются к бумаге культурных сортов. И это заставляет думать, что на бумажных предприятиях проявляют особую заботу о культуре производственного процесса. Странно, однако, явление наблюдали мы на бумагоделательной фабрике № 2 в Ленинграде.

Расположена она на окраине города, на правом берегу Невы, в низких, столетней кирпичной кладки корпусах. Но смутно нас не это. Смущала та техническая ослепка целло бумажной фабрики, которую мы неожиданно встретили здесь, в городе технического прогресса, — в Ленинграде.

Перед нами машина, перерабатывающая потоки жидкой массы в бумагу. На наших глазах меньше чем за час с сушильных цилиндров сошло уже около тонны бумаги, но твердо сказать, хороша ли она или плоха, никто еще не мог. Качество бумаги определяется в лаборатории лишь тогда, когда бумага готова. Из рулона аккуратно вырезают образцы и взвешивают на весах, чтобы определить вес одного квадратного метра; бумагу проверяют на излом, сорность, белизну, определяют влажность, будут испытывать на разрыв, подвергнут ряду других испытаний.

Лишь после всего этого можно будет сказать: напечатать ли на этой бумаге книги или на рулонах напишут всего только одно слово: «брак».

Образец отпущен в лабораторию, а мы вернулись к машине и стали наблюдать за рождением новой тонны бумаги. Однако сложилось с сеточником мы продолжали испытывать бесповоротность за судьбу тех рулонов, которые были отведены на тележку. И у нас были для этого все основания. Почти каждая шестая тонна бумаги, сойдя с этой машины, не доходит до печатных станков и возвращается обратно в переработку после испытаний в лаборатории.

Тем временем сеточник пристально смотрел, как на сетке образуется влажная еще бумага. Он был хмур, озлоблен, и мы поняли, что происходит что-то неладное. Мы тоже вглядывались в растлавленное перед нами полотно, но решительно ничего не заметили. Казалось, что масса растекается на сетке тонким равномерным слоем. Но наше впечатление было ошибочным, сеточник по каким-то приметам узнал, что одна сторона полотна увлажнена больше, а другая меньше. Быстро выпрямившись, он отрегулировал один из вентиля.

Почти в то же мгновение произошло еще одно маленькое событие. Мельника фигура сушилщины. Она с силой дунула какую-то цепь вблизи сушильных цилиндров.

Пар убавила, — объяснил сеточник. Он прошел к большому сушильному цилиндру, тронул ладонью бумагу, отдернул руку и добавил: — Правильно убавила... Мы тоже попробовали. Цилиндр обжигал руку через покрывавшую его бумагу. Дело в том, что бумага уже «созрела» для брака, если б сушильница успела мнуть и не дернула цепь.

Эта примитивная цепь так странно, так нелепо выглядела рядом с конвейером бумагоделательной машины, что у нас возник естественный вопрос: какими же средствами, каким контролем располагают сеточник и его бригада, чтобы обеспечить все требования, предъявляемые к бумаге в процессе ее выработки, до того, как она попадет в лабораторию?

Сопровождавший нас начальник цеха сказал обидчиво:

На этот счет у вас не должно быть беспокойства. Здесь строго выдерживается технологический режим. Здесь работает наш лучший сеточник Александр Иванов. Александр Иванов стоял рядом с нами. Мы видели, как он работает, и без колебаний поверили данной характеристике. Но сам сеточник невольно попоморщился. Он сказал начальнику цеха:

Вы бы лучше рассказали товарищам, что у нас, бумажников, наша техника не вперед движется, как у людей, а назад... Ну, тут вы, дорогой мой, через край хвалитесь.

Хватит? А это что такое? — И сеточник показал на цепь. — Этого даже до войны не было. Тогда у нас регулировали температуру пара с помощью регуляторов, а теперь мы пономарями стали, веревку дергаем.

Лилась на сетку жидкая масса, на валу наматывалось широкое полотно бумаги, но не было на этом конвейере того оснащения, без которого не мыслится современное поточное автоматизированное производство. — Не было самой необходимой контролирующей и регулирующей аппаратуры. Сложные процессы приходилось проверять на глазок да на ощупь.

Странно, что все это происходит на бумагоделательной машине, которую Карл Маркс во второй половине прошлого века привнес как пример непрерывности и автоматичности в промышленное производство. С той давней поры в промышленности произошли коренные изменения. В нашем советском производстве, в различных областях, появились чудесные автоматы, осуществляющие сложные процессы без вмешательства человека. Мы имеем уже целые заводы, где роль рабочего сводится только к наблюдению за машиной. Именно такой процесс хотелось бы видеть и на бумажной фабрике, где конвейер имеет вековую давность. А как раз здесь-то и оказался застой.

Присходит это не только на Ленинградскую фабрику. На Неманском комбинате довелось нам беседовать с сеточником Семеновым Семеновичем Хромковым. Его бригада добивается первенства по выработке бумаги отличного качества. Но ей приходится непродолжительно затрачивать много времени и усилий — и все по той же причине: бумагоделательное производство не имеет необходимой оснастки.

Пожилый сеточник, проработавший десятки лет в бумажной промышленности, поведал нас как какой-то странной деревянной колонке с окошком, через которое виднелась обычная для прибора шкала с делениями и стрелкой.

Подобуйтесь, — горестно сказал он, — на наше «достоинство». Получали нужный прибор, а использовать его не можем. Прибор предназначался для важной цели — автоматического контроля и регули-

рования содержания волокон в бумажной массе. От этого зависит многие свойства и качества бумаги: равномерность толщины и веса бумажного полотна, равномерный просвет, прочность. Хотелось узнать: почему же не работает такой ценный прибор? Неманцы пожалы плечами: прибор неудачно сконструирован.

Мы вспомнили об этом на правом берегу Невы. И здесь прибор не работал. Тогда мы отправились на Красногорскую фабрику — экспериментальную базу Центрального научно-исследовательского института бумаги, находящегося в Ленинграде. И на экспериментальной базе прибор постигла та же участь: он не работал. Оставалось только согласиться, что он плох.

И вдруг мы услышали иное мнение. При беседе присутствовал работник института, начальник лаборатории бумаги, старый, опытный инженер.

— Бось, — сказал он, — что дело не в качестве прибора, а в нашем отношении к новой технике. Всюду говорят — плох, а на Коннопожском комбинате, например, этот прибор работает, как часы. Там за его освоение взялись люди, любящие новую технику. Мы уже изучили их опыт и скоро дадим фабрикам инструкцию о том, как пользоваться прибором.

И все же кое-что начальник лаборатории не договорил. Ему бы следовало добавить, что институту, призванному внедрять новую технику, уже давно пора было дать инструкцию о пользовании приборами, которые появились у нас в большом количестве еще пять лет назад.

Пять лет! Не слишком ли велик срок для написания инструкции о том, как пользоваться прибором?

— Велик, конечно, — со вздохом согласился старый инженер, — да что поделаешь, если специфика у нас такая.

Характер этой «специфики» обрисовывался все рельефней, по мере дальнейшего знакомства с состоянием целлюлозно-бумажного производства. На этом производстве один из наиболее отсталых участков — разлом бумажной массы. Основные оборудование здесь — роллы, которые созданы уже 250 лет назад. В последние времена роллы стали заменять более производительными коническими мельницами. Но сразу и повсюду произвести такую замену невозможно. Большинство предприятий вынуждено пользоваться роллами.

Шесть лет назад советский инженер Шеглов предложил простой метод перевода роллов на непрерывный разлом. Но пришлось и ему столкнуться со злополучной «спецификой». За шесть лет только несколько мелких фабрик приняли метод Шеглова.

Научный работник института тов. Доровольский познакомил нас с отчетом латвийской фабрики «Литанте», применившей метод непрерывного разлома в роллах. Результаты оказались многообещающими. На фабрике улучшилось качество бумаги, потому что сейчас она получает равномерно размоленную массу. Резко уменьшился расход электрической энергии, потому что работу шести роллов выполняют только четыре. Появилась реальная возможность увеличить выпуск бумаги.

Весь год можно сказать: нет на бумажном производстве такого участка, где не были бы скопаны большие резервы. В Преступном — организация, призванная разрабатывать проекты реконструкции бумагоделательной техники, подсчитали, например, что простейшая переделка отдельных узлов малых и средних машин повысит их мощность на 15—20 процентов. Ну а как на больших машинах? Здесь задачи реконструкции сложнее, но зато есть более весомые бухгалтерские результаты. Производительность этих машин можно поднять на тридцать процентов!

Наш конструкторы давно настаивают на реконструкции, но министерство собирает пока преобразовать только одну машину на Балахне. Непонятная медлительность! Ведь готовится проектирование новых мощных комбинатов, оборудованных по последнему слову техники. Надо же думать о ближайшем будущем, когда бумага начнет формироваться на сетке со скоростью 600—800 метров в минуту — с неудовольствием для глаза быстротой!

Бумажное производство недодает нам — не по плану, а по своим возможностям — тысячи и тысячи тонн бумаги. Ее надо взять, и это не так уж сложно, если обратиться к «специфике», если в министерстве, в его техническом управлении, будут внимательно относиться к новаторам и проявят энергию в борьбе за новое.

У нас есть реальная возможность много увеличить выпуск бумаги, картона, бумажных изделий на действующих предприятиях. И эту возможность надо использовать!

И. БЕЛОВ, А. САДОВСКИЙ, Бригада «Литературной газеты» ЛЕНИНГРАД

В прошлом году я написал лирических и исторических стихов об украинском народе под названием «Тебе, Украина», а также новый цикл — «Туркменская тетрадь».

В этом году закончу книгу лирики — о дружбе, любви, юности, о родной природе, о дальних путях.

Владимир ЛУГОВСКИЙ

О своих творческих планах говорить трудно, да и не всегда нужно. Единственное, что могу сказать, — постараюсь, чтобы разрыв между моей второй и третьей книгой был, по крайней мере, раза в четыре меньше, чем между второй и первой.

Виктор НЕКРАСОВ.

Наши творческие замыслы

НОВОГОДНЯЯ АННЕТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В 1954 году я писал детскую поэму «Мой дед», отрывки которой печатались на узбекском языке. В 1955 году закончу ее. Кроме того, в настоящее время пишу повесть, в которой описываю жизнь пакистанских трудящихся.

АВБЕК

Недавно в редакцию «Нового мира» с Урала, от инженера Н. С. Боташева, пришел пакет, в котором оказались выдержки из найденных в Нижнем Тагиле писем семьи Карамзиных. Годы 1836—1837 Старший сын известного историсограф Карамзина — Андрей Карамзин — подробно сообщил ему о Пушкине — о его последних произведениях, об угнетенном состоянии его, о поведении Дантеса, а потом о дуэли, о гибели Пушкина. Моя задача — снабдить предисловием и послесловием публикацию инженера Боташева, которая появится в «Новом мире».

Иракий Андроников

Многу начата поэма «Большие события», в которой я хочу раскрыть тему роста нашей страны и роста людей нашей страны на примерах знакомых мне лиц и событий. Действие поэмы начинается в Курске, городе моего детства, и судьба ее героини решается также на Курской дуге.

Вместе с этим перевожу сборник украинских записок писателя Максима Максимовича в 1863 году. Они представляют собой дальнейшее развитие моего романа, изданного на украинском языке. Трудней над книгой о мастерстве Лермонтова. Принимаю участие в акаде-

мическом издании его сочинений. Продолжаю записывать свои «литературоведческие» рассказы. Предполагаю продолжить работу над «звучающей книгой» о Лермонтове для детского радиовещания.

Не обойдется и без юстных рассказов. Для пополнения их фонда летом 1954 года я ходил с группой ребят Дома пионеров Септулова на Урал, на вересковый слет юных туристов.

В этом году начинается работа над кинокартиной, в которой я участвую в качестве актера и сценариста.

Вместе с этим перевожу сборник украинских записок писателя Максима Максимовича в 1863 году. Они представляют собой дальнейшее развитие моего романа, изданного на украинском языке. Трудней над книгой о мастерстве Лермонтова. Принимаю участие в акаде-

четвертой строке. На самом деле содержание этой песни — глубоко волнующий разговор уходящего в поход отца с матерью, которую он просит припрятить его жену.

Старинные добрые слова этой и других песен — записки, чужацких, гайдамацких — приятное возмещение в памяти, перевод их с украинского. Этим я занимаюсь, как отдыхом от основной работы.

Владимир БЕЛЯЕВ

Надеюсь закончить в новом году второй том своей монографии о творческом пути Пушкина (1826—1837 гг.). Предстоит большая работа по редуцированию «Истории русской литературы», осуществляемой большим коллективом научных сотрудников институтов мировой литературы и русской литературы Академии наук СССР. Все три тома этой истории должны охватить период с древнейших времен до 1917 года.

Д. БЛАГОЙ

В прошедшем году я в основном завершил работу над романом «Кода слышатся реки», посвященным строителям гидроэлектростанций «Дружба народов».

Начало нового года и меня уйдет на доработку романа и подготовку его к печати. Думаю и о новых стихах.

П. БРОВКА

Прошлой весной меня подхватило, точно горный поток, и увлек из Москвы на Алтай, в мои родные места, необычайно мощной, героической порыве нашей молодежи, поднявшейся в поход на освоение бескрайних целинных степей.

Эта поездка чем-то напомнила горячие фронтные времена и внесла серьезные коррективы в мои творческие планы. Я предал работу над третьей книгой «Белой березы» и решил отдать все силы задуманной на Алтае книге о новом красивейшем поединке нашей славной молодежи.

Новый роман «Орлиная степь» думаю закончить в середине 1955 года.

Михаил БУБЕННОВ

В 1954 году продолжал работу над романом «Освобождение», посвященным героической борьбе азербайджанского народа против иноземных захватчиков и за установление советской власти в Азербайджане. Отдельные главы романа уже написаны. Находящаяся работа еще впереди. Считаю, что для поднятия такой большой темы требуются долгие годы и кропотливый исследовательский труд и дальнейшее изучение

исторических документов, а также личные встречи с участниками революционных событий.

Антанас ВЕНЦЛОВА

В течение прошлого года я очень много поработал над романом «Дружба» об отдельном издании. Можно сказать, что

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Речь М. ЦАГАРАЕВА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ

В расцвете нашей литературы заинтересованы миллионы советских людей потому, что литературное дело стало у нас общенародным делом. Наши лучшие книги стали гордостью советских людей, они приносят тепло в каждый дом, согревают сердца, с ними легче жить, легче побеждать.

Советская литература создается на разных языках, но все советские писатели объединены одной идеей, одним благородным стремлением — помочь своему народу в завершении строительства коммунистического общества в нашей стране.

И мы, писатели братских республик, пишущие на разных языках, безгранично счастливы тем, что имеем такого гуманнейшего, галантвейшего учителя, как великая русская литература. Она приходила нам всегда на помощь. Ей, русской литературе, мы обязаны своим успехом.

К мавзолею искусств, в храм науки святой С ним пойдешь ты доверчиво, смело, С ним научишься ты быть готовой на бой За великое, честное дело.

С этими словами, произнесенными на открытии памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову 65 лет тому назад основоположником осетинской литературы, верным последователем идей Чернышевского, Добролюбова, Некрасова — Коста Хетагуровым, осетинская литература прошла трудный путь своего развития до Октябрьской революции и вплоть до расцвета после нее, в особенности в период между двумя нашими съездами. Она росла на прочной основе, заложенной Коста Хетагуровым.

До первого съезда советских писателей мы имели всего несколько изданных книг. В настоящее время библиотеку осетинского читателя составляют уже сотни книг наших писателей. Период между двумя съездами для осетинской литературы характерен зарождением жанра прозы. Романы и повести Д. Мамсурова, В. Бодиева, Т. Елишева, Е. Уруймаговой, Е. Бекоева широко популярны среди осетинских читателей.

В лучших поэтических произведениях А. Гуагуева, Т. Елишева, Г. Кайтукова, Х. Цаева, Х. Ардасенова, Г. Цаева, Г. Гаглова, Р. Асаева и других наши поэты стремились создать образ советского человека.

Между двумя нашими съездами зародилась и развивалась осетинская советская драматургия. В 1935 году впервые открылся занавес первого осетинского профессионального драматического театра, являющегося сегодня гордостью осетинского народа. Основу репертуара наших театров сейчас составляют пьесы советских драматургов — Г. Джамиева, Д. Туаева, Г. Шиева, Р. Хубеидинова и других.

Писателями Осетии проделана большая работа по переводу на осетинский язык бессмертных творений классиков русской и мировой литературы, а также лучших образцов литературы народов СССР.

Осетинские писатели за годы между Пер-

вым и Вторым съездами идейно выросли, политически возмужали, приобрели большой жизненный опыт. Такие произведения, как роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни», комедия «Женихи» А. Токаева и другие произведения широко известны далеко за пределами нашей республики.

Но, несмотря на успехи и достижения, осетинская литература не может еще удовлетворить непрерывно растущие потребности наших читателей. Высокохудожественных произведений в подневольных образах людей нашего времени, достойных подражания, нашими писателями пока создано недостаточно. Мы в большом долгу перед нашим молодым рабочим классом. Не все жанры осетинской литературы развиваются равномерно. Это прекрасно понимает большинство наших писателей, и за последнее время они заметно оживили свою творческую деятельность.

Чем объяснить то, что литература некоторых республик и областей совершенно выпала из поля зрения докладчика и содокладчиков? Мне кажется, это объясняется прежде всего тем, что руководители Союза писателей и его комиссия по литературе народов СССР плохо знают современное состояние этих литератур, не связаны с ними, не оказывают им никакой практической помощи. Перечисление одних и тех же фамилий писателей, одних и тех же произведений в докладе и содокладах не может дать полной и широкой картины нашей многонациональной литературы.

Всем известно, что во многих национальных литературах проза развивалась после первого съезда, но, несмотря на свою молодость, она достигла значительных успехов. Почему бы содокладчику по прозе тов. Симонову не остановиться хотя бы на одной из молодых литератур и не сделать анализа на конкретном материале? Это принесло бы очень большую пользу нам.

Осетинская советская литература многим обязана т. Фадееву, Тихонову, Либенскому, Казину, Шеринскому и многим другим, которые пристально следят за ее развитием и по мере своих возможностей помогают осетинским писателям, принимают активное участие в переводах лучших образцов нашей литературы на русский язык.

Мы не можем не выразить большую благодарность осетинского народа талантливым украинскому поэту, любимому как на Украине, так и в Осетии, Павлу Тычине, по инициативе и под редакцией которого стала достоянием украинского читателя бессмертная осетинская лира нашего Коста Хетагурова. (Аплодисменты)

Разрешите мне от имени осетинского народа, от имени писателей Осетии выразить глубокую благодарность нашей Коммунистической партии и Советскому правительству за их неустанную отеческую заботу о расцвете культуры всех народов нашей страны! (Аплодисменты)

Речь А. СОФРОНОВА МОСКВА

Товарищи! Двадцать лет тому назад мне довелось в качестве представителя заводской литературной группы завода Ростсельмаш приветствовать с этой трибуны Первый всесоюзный съезд советских писателей.

Как изменилась наша страна за минувшие двадцать лет! То, что тогда было только в планах, сейчас выросло и радует нас своей мощью и красотой.

Мы привыкли говорить о том, что надо знать жизнь. Это верно! Жизнь надо знать. Но знать жизнь, это значит видеть связи человеческих биографий с тем историческим периодом, в котором они относятся. Понимание неповторимой особенности времени является одной из основ художественного творчества.

Театральная техника очень выросла. Поэтому не представляется особого труда показать дитятейный цех, как летят чужим, как летят искры в кузнечном цехе. Но если в центре всего этого нет человека, не раскрыт его характер, его связи с обществом, тогда и все остальное лишено смысла. Мы переходим забывая о том, что горьковский Нил из «Мещан» не был показан непосредственно на своем паровозе, в депо, на железной дороге. Но зато мы очень хорошо чувствуем дорогу истории, на которой находились в свое время машинист Нил.

Очень часто мы игнорируем один из самых важных компонентов драмы — язык. Читая некоторые пьесы, думаешь: «А не являются ли они нашим переводом с иностранного?» Это потому, что язык в таких произведениях безлик, лишен национальной основы.

Мы плохо прислушиваемся к современному языку. Некоторые наши пьесы пекут пословицами. Дело это очень легкое: пословица немало и в русском, и в украинском, и в других языках. Но они нередко выглядят белыми воронами в общем строе языка, так как, созданные в свое время, являются не органичны современному разговорному языку.

Трудно себе представить героев пьес «Наместник», «В степях Украины», «Путь заводнички» разговаривающими на каком-то безликом, не имеющем национальной основы языке.

Мне кажется, что в этом направлении должны помочь нам драматургам, и театральные критики, которые очень часто рассматривают ситуацию в пьесах, режут вопрос о правомерности или ложности копирования и оставляют за бортом исследование языка наших пьес.

В июне нынешнего года некий литературный «критик» Александр в лондонском журнале «Инкаунтер», высказывая раз-

личные прогнозы по поводу готовившегося нашего съезда, сокрушенно писал: «Никто не называет советский роман, в котором автор осмелился бы сразу вывести три десятка уголовных преступников, предоставленных самим себе...». Вот уже, действительно: чего нет — того нет! Тоскует Александр по героям, «предоставленным самим себе», делая вид, будто и в самом деле могут существовать герои, свободные от общества.

Мы имеем все условия для того, чтобы писать страстно, затрагивая самые различные, самые сокровенные стороны нашей жизни.

Писательская организация, естественно, представлена самыми различными индивидуальностями, творческими друзьями, «чтецами», как принято говорить в последнее время. Мне кажется, что в будущем «литературная газета» должна положить в основу принципов более объективного подхода к оценке творческой работы самих разных писателей.

Да, товарищи, пора нам, давно пора вспомнить об уважении друг к другу, о зоркости и о скромности. Ведь если наступит такое время, то не будь Галина Николаева сама выбирать место, где ей удобнее стоять: рядом с Михаилом Лермонтовым или с Элизаром Мальцевым. Ведь если наступит такое время, то поэтический талант С. Карсанова будет опираться на точное знание предмета, о котором идет речь. И я думаю, что на сектор термин «самоуважение» должен прийти термин: уважая себя, уважай и своего обратя или сестру по перу.

Радостно видеть здесь в качестве наших дорогих гостей и зарубежных писателей. Мы знаем, что это наши настоящие друзья, и тем радостнее, что во время Второго всесоюзного съезда мы чувствуем их дружескую, крепкую руку! (Аплодисменты)

Мы живем в героическое и суровое время. Мы знаем, что темные силы войны стараются втянуть в страшную мясорубку как можно больше человеческих жизней, но то, что мы вместе, и то, что наши сердца соединены в общем деле борьбы за мир, является великой нашей силой.

Надо возродить интерес к песне у лучших поэтов-песенников. Тогда им не придется упрекать нас, композиторов, в недостаточной требовательности к стихотворным текстам. Необходимо, чтобы Союз писателей уравнивал песню с другими жанрами поэтического творчества, чтобы не только в поэтической сессии, но и на секретариате еще когда-нибудь шел разговор о песне. А еще лучше было бы уничтожить странную неопределенность в отношении к песенному творчеству в наших союзах, когда о музыке песен судят в Союзе композиторов, а о текстах — в Союзе писателей. Отстаивая неразрывное единство слова и музыки в песне, мы вместе с тем разбиваем на части, зачастую обижаясь музыкой без слова и слово без музыки, в лучшем случае принося друг к другу представителей своего «цеха» в качестве «наблюдателей».

Какжется целесообразным объединить композиторов и поэтов-песенников в единый «междувидовый» творческий коллектив. Тогда вместо взаимных упреков: со стороны композиторов — об отсутствии хороших текстов для песен, со

стороны поэтов — о низком поэтическом вкусе композиторов, мы творчески и организационно объединили бы наши усилия в создании многих и многих песен, которых ждет от нас народ. Я подчеркиваю — много песен, ибо никак не могу согласиться с программой, предложенной тов. Исаковским: каждому поэту сочинять в год не больше двух-трех песен, безупречных во всех отношениях. Замечательный поэт-песенник В. Лебедев-Кумач создал множество превосходных песен, да и не он один. К чему устанавливать лимит на хорошие песни, не лучше ли установить его на плохие?

Мы должны вновь пробудить в композиторах и поэтах-песенниках волю к дерзанию, покончить с инертностью, успокоенностью, преобладающими сейчас в песенном творчестве.

Есть еще одна область искусства, где творческий труд композитора и писателя-драматурга неразделим и взаимообусловлен, — это опера, музыкальная драма. К сожалению, Союз писателей почти исключил из сферы своего внимания вопросы, связанные с созданием оперных либретто, очевидно, считая, что для писателей работа над либретто является узко прикладной, творчески мало самостоятельной. Среди писателей существуют взгляды, что специфика оперного либретто не требует труда квалифицированных писателей-драматургов, что создавать либретто могут и должны люди, не являющиеся профессиональными писателями, лишь знакомые с основами оперной драматургии.

Нет слов, история оперы знает немало случаев, когда либретто создавалось драматургами, специально посвятившими себя оперному искусству. Были редкие случаи, когда либретто для своих опер сочиняли сами композиторы. Однако невозможно отрицать, что развитие нашей советской оперы настоятельно требует привлечения в оперную драматургию квалифицированных, профессиональных писателей.

Опыт работы в оперной драматургии А. Файко, автора либретто оперы «В бурю», Л. Левова, создателем в сотрудничестве с О. Леонидовым либретто оперы «Наместник» В. Дехтерева; А. Корнейчука и В. Васильева — авторов либретто оперы «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича — убедительное свидетельство того, как мастерство профессионалов писателей и драматургов обогащает оперное искусство созданием полноценного либретто — и идейной и художественной основы оперного произведения. Мы, композиторы, буквально страдаем от кустарщины, распространяемой в этой области; страдает торmented в своем развитии все наше оперное искусство. Мы хотим, чтобы писатели и драматурги вместе с нами участвовали в осуществлении благородной задачи — создания классической советской оперы, в которой могучими средствами синтетического искусства были бы запечатлены на века образы, чувства советских людей — наши современники.

Мы надеемся, что после съезда Союз советских писателей заменит свою нейтральную позицию в отношении к оперной драматургии и вместе с нами проявит должную заботу о росте и развитии советского оперного искусства. Союз писателей не может быть лишь сторонним наблюдателем успехов или недочетов нашего оперного творчества. Оперная драматургия — органическая часть советской культуры. Это означает, что Союз писателей, уделяющий внимание проблемам развития советской драматургии, не имеет права даже оставлять область оперной драматургии в беспризорном состоянии. Здесь, так же как и в песенном творчестве, наши общие усилия могли бы быть организационно объединены путем создания единой комиссии музыкального театра, которая являлась бы творческой лабораторией, содействующей развитию советской оперы.

Мы уверены в том, что работа Второго

Неужели мы не сумеем в любой дискуссии отстоять то мнение, которое является для нас нашим убеждением? Отстоим всегда и везде, отстоим гораздо глубже и убедительней, когда придется в живых спорах доказывать и разъяснять, вместо того, чтобы постановлять и директивно изрекать.

Чего мы хотим и требуем от нового руководства? Я бы потребовала от них одного, основного — читать. Читать своими глазами, а не глазами референтов, которые подкладывают им под руку готовое мнение обтекаемой формы. (Аплодисменты)

Читайте новые книги так, как их читал Горький, и не талть до очередного доклада свое мнение, а высказывать его автору в лицо.

Я никогда не забуду, как Ольга Дмитриевна Форц, прочитав мою юностию очень слабую повесть, сама позвала меня и сказала: «Вы хорошо знаете те стороны жизни, которых писатели моего поколения не знают, но, девочка! — вы же еще ничего не умеете».

Второй такой случай произошел у меня спустя много лет.

Когда мой роман «Дни нашей жизни» был напечатан в журнале «Знамя», Александр Фадеев из больницы, где он тогда лежал, прислал мне письмо, в котором было много интересных замечаний, оценка много и неутрач, советов и замечаний. Это письмо принесло мне большую пользу при подготовке романа к отдельному изданию. Чувство товарищества — золотое и неоценимое качество руководителя! (Аплодисменты)

К сожалению, у нас бывает и совсем по-другому. Так получилось в Ленинграде с последним романом В. Пановой.

Благословляя «Время года» к публикации в «Ленинградском альманахе», В. Кочетов (тогда руководитель Ленинградской писательской организации) сказал: «Роман, наверное, вызовет споры. Что же, рискнем».

И тогда, ни позднее он — руководитель, — не высказал автору своих сомнений, своего правдивого мнения.

Права, вскоре он ушел в творческий отпуск и официально уже не был избран «руководителем» (как, впрочем, и Фадеев, лежав в больнице).

По все время Кочетов провед в Доме творчества, по одной крышке с Пановой, видел ее ежедневно и молчал! Молчал, а тихонько писал статью, резко осуждающую этот роман и отбрасывающую талантливого писателя в «ручье мешанской литературы».

Партия нас учит по-товарищески разъяснять, направлять, доказывать, а не командовать: тому быть в литературе, тому не быть. Возрождать рапповские методы мы никому не позволим — ни молодым писателям, ни старым.

Мы хотим и требуем, чтобы любители проработок и убийственных ярлычков просто не могли просочиться на страницы печати, чтобы каждая такая попытка рассматривалась как нарушение норм социалистического общности. (Аплодисменты)

Речь Т. ХРЕННИКОВА МОСКВА

Есть жанры искусства, в которых писатели и композиторы объединены не только общими идейно-художественными задачами, но и тесным творческим сотрудничеством. Это прежде всего песня, самый массовый жанр музыкального и поэтического творчества. М. Исаковский в своем выступлении назвал ряд песен советских композиторов и поэтов, песен, которые приобрели повсеместное распространение. Этот список можно было бы умножить. Но как бы мы ни гордились достижениями песенного творчества в прошлом, оставание песни в последние два-три года должно вызывать у нас чувство сильнейшего беспокойства.

Мы плохо развиваем лучшие традиции советского песенного творчества — его связь с жизнью народа, высокую гражданственность его содержания, многообразие жанров, яркость и возвышенность поэтических и музыкальных образов. Мы почти не встречаем в новых песнях своеобразия и свежести, творческих находок, которые являются следствием напряженных художественных исканий.

Нельзя скрыть и того факта, что многие мастера песни — композиторы и поэты — в последние годы отошли от песенного творчества, как бы отделившись от преобладающей трудности, возникшей в развитии этого жанра искусства. Если говорить о поэтах, это относится и к выступавшему здесь по вопросам песни М. Исаковскому и к А. Суркову, Н. Асееву, М. Светлову и ряду других.

Некоторые поэты, имеющие немало славных достижений в песне, стали противопоставлять свое, так сказать, «чистое» поэтическое творчество песенному творчеству. Мы не можем не рассматривать такую концепцию, как свидетельство пассивности, отказа от борьбы за полноценное, жизненное песенное творчество.

Нет сомнения — замкнута в развитии песни является временем, преодоления явления. Однако перелом может осуществиться лишь при условии полного объединения всех творческих сил в области песни, усиления направляющей роли союзов композиторов и писателей.

Надо возродить интерес к песне у лучших поэтов-песенников. Тогда им не придется упрекать нас, композиторов, в недостаточной требовательности к стихотворным текстам. Необходимо, чтобы Союз писателей уравнивал песню с другими жанрами поэтического творчества, чтобы не только в поэтической сессии, но и на секретариате еще когда-нибудь шел разговор о песне. А еще лучше было бы уничтожить странную неопределенность в отношении к песенному творчеству в наших союзах, когда о музыке песен судят в Союзе композиторов, а о текстах — в Союзе писателей. Отстаивая неразрывное единство слова и музыки в песне, мы вместе с тем разбиваем на части, зачастую обижаясь музыкой без слова и слово без музыки, в лучшем случае принося друг к другу представителей своего «цеха» в качестве «наблюдателей».

Какжется целесообразным объединить композиторов и поэтов-песенников в единый «междувидовый» творческий коллектив. Тогда вместо взаимных упреков: со стороны композиторов — об отсутствии хороших текстов для песен, со

стороны поэтов — о низком поэтическом вкусе композиторов, мы творчески и организационно объединили бы наши усилия в создании многих и многих песен, которых ждет от нас народ. Я подчеркиваю — много песен, ибо никак не могу согласиться с программой, предложенной тов. Исаковским: каждому поэту сочинять в год не больше двух-трех песен, безупречных во всех отношениях. Замечательный поэт-песенник В. Лебедев-Кумач создал множество превосходных песен, да и не он один. К чему устанавливать лимит на хорошие песни, не лучше ли установить его на плохие?

Мы должны вновь пробудить в композиторах и поэтах-песенниках волю к дерзанию, покончить с инертностью, успокоенностью, преобладающими сейчас в песенном творчестве.

Есть еще одна область искусства, где творческий труд композитора и писателя-драматурга неразделим и взаимообусловлен, — это опера, музыкальная драма. К сожалению, Союз писателей почти исключил из сферы своего внимания вопросы, связанные с созданием оперных либретто, очевидно, считая, что для писателей работа над либретто является узко прикладной, творчески мало самостоятельной. Среди писателей существуют взгляды, что специфика оперного либретто не требует труда квалифицированных писателей-драматургов, что создавать либретто могут и должны люди, не являющиеся профессиональными писателями, лишь знакомые с основами оперной драматургии.

Нет слов, история оперы знает немало случаев, когда либретто создавалось драматургами, специально посвятившими себя оперному искусству. Были редкие случаи, когда либретто для своих опер сочиняли сами композиторы. Однако невозможно отрицать, что развитие нашей советской оперы настоятельно требует привлечения в оперную драматургию квалифицированных, профессиональных писателей.

Опыт работы в оперной драматургии А. Файко, автора либретто оперы «В бурю», Л. Левова, создателем в сотрудничестве с О. Леонидовым либретто оперы «Наместник» В. Дехтерева; А. Корнейчука и В. Васильева — авторов либретто оперы «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича — убедительное свидетельство того, как мастерство профессионалов писателей и драматургов обогащает оперное искусство созданием полноценного либретто — и идейной и художественной основы оперного произведения. Мы, композиторы, буквально страдаем от кустарщины, распространяемой в этой области; страдает торmented в своем развитии все наше оперное искусство. Мы хотим, чтобы писатели и драматурги вместе с нами участвовали в осуществлении благородной задачи — создания классической советской оперы, в которой могучими средствами синтетического искусства были бы запечатлены на века образы, чувства советских людей — наши современники.

Мы надеемся, что после съезда Союз советских писателей заменит свою нейтральную позицию в отношении к оперной драматургии и вместе с нами проявит должную заботу о росте и развитии советского оперного искусства. Союз писателей не может быть лишь сторонним наблюдателем успехов или недочетов нашего оперного творчества. Оперная драматургия — органическая часть советской культуры. Это означает, что Союз писателей, уделяющий внимание проблемам развития советской драматургии, не имеет права даже оставлять область оперной драматургии в беспризорном состоянии. Здесь, так же как и в песенном творчестве, наши общие усилия могли бы быть организационно объединены путем создания единой комиссии музыкального театра, которая являлась бы творческой лабораторией, содействующей развитию советской оперы.

Мы уверены в том, что работа Второго

всесоюзного съезда советских писателей окажется плодотворное влияние на все области нашего искусства, что в дальнейшем своем развитии наша литература и другие виды искусства преодолеют недостатки и болезни, так саморитично и резко вскрытые в докладах и дискуссии на съезде. Приветствие Центрального Комитета нашей партии, обращенное к советским писателям, имеет программное значение для деятелей всего советского искусства, оно вдохновляет всех нас на упорный труд и искания, направленные к расцвету нашей советской культуры, нашего искусства. (Аплодисменты)

Речь Н. РОГАЛЯ КАВАРОВСК

Накануне Первого съезда писателей А. М. Горький, говоря о росте молодых сил литературы, отметил в числе других выход литературно-художественного альманаха в Хабаровске.

Теперь на Дальнем Востоке издается свой журнал: во Владивостоке, Чите, Благовещенске и Магадане выходят альманахи, пять дальневосточных издательств выпускают десятки книг местных писателей. До сотни московских и зарубежных изданий своих книг насчитывают хабаровские литераторы; общий тираж этих книг превышает 10 млн. экз. Идет процесс образования собственных литератур у ранее беспесных народов Дальнего Востока — нанайцев, ульчей, угейцев, чукчей. Возникновение этих литератур связано с усвоением опыта русской литературы и прямой помощью национальным писателям со стороны их русских товарищей. Пример такого содружества, в частности, — переводческая работа писательницы Ю. Шестаковой, которая способствовала проявлению литературного таланта угейца Джанси Кирино.

Теперь нельзя говорить о русской советской литературе без учета того, что делается в краях и областях. И несомненно, что русская советская литература гораздо шире и разнообразнее, чем то представляется о ней, какое дает нам сегодня наша критика.

К. Симонов говорил в своем содокладе о недостатках исторических романов, правильно указав на необходимость широкого изображения в литературе роли народных масс.

Но для русской советской литературы это ведь не только проблемная задача. В литературе имеется уже прочная традиция изображения народа, простых русских людей, совершивших великие исторические деяния. Соплился на романы Н. Задорнова, на роман «Строгость» Г. Маркова.

Но если в докладе и содокладах мало говорилось о литературе краев и областей, то следовало ожидать, что секретарь союза Н. Грибачев, отвечая за руководство писательскими организациями краев и областей, подробнее остановится на этом. В пылу полемик о поэзии тов. Грибачев чуть не забыл об этой своей обязанности. Мы услышали от него только данные о числе изданий и перечень названий книг и писательских имен. А дальше что? Какие процессы характерны для литературы, создаваемой в областях? В чем ее сильные и слабые стороны? Какие выводы следуют из опыта работы 23 писательских организаций Российской Федерации? Об этом мы, к сожалению, не услышали.

Какие же выводы надо сделать новому руководству союза?

Опыт показал, что творчески активными оказались те местные писательские организации, в которых вопросы литературы решаются коллективно, с участием всех писателей, где высока требовательность друг к другу, где в оценке произведений исходят из принципиальных, а не из призрачных или групповых соображений. В этих организациях наиболее благожелательны к творчеству молодых. Новый устав учитывает это обстоятельство. Но нельзя думать, что слияние некоторых писательских организаций пойдет гладко, без трений. Надо так провести это дело, чтобы не растерять, а укрепить связи с авторским активом, с молодыми писателями. Писательские организации краев и областей должны заниматься не только комиссия по русской литературе, но и секретариат союза, президиум.

Весь вопрос, что вопрос о реорганизации лучших альманахов в журналы давно встает. Однако мы не сумеем провести эту работу по-настоящему, если руководство печатными органами со стороны правления союза не будет решительно улушено. До сих пор это был самый запущенный участок работы.

Рост литературы в областях и краях, большой приток в местные организации ЦСН молодых писателей делают особенно острой проблему идейно-политического воспитания писателей и повышения уровня их художественного мастерства. Задачу эту невозможно решить без более широкого и более продуманного общения опытных мастеров советской литературы с молодыми писателями. Необходимо также сосредоточить внимание критиков центральных журналов и «Литературной газеты» на изучении и оценке того, что сделано писателями в краях и областях. Можно с уверенностью сказать, что такая работа даст позитивные результаты.

И не могу не сказать коротко о замечательных людях, которые являются читателями наших книг и с полным правом могут и должны стать их героями.

...Команда маленького катера, машина которого была повреждена штормом, 82 дня боролась со стихией в Тихом океане. Люди стали подошвы своих сапог, собирали каждую каплю пресной воды, сто раз были на грани смерти, но продолжали оставаться сплоченным советским коллективом, боролись — и победили!

Великая честь писать о таких людях и для них! Ясно сознавая, как неоплачен наш писательский долг читателям, мы после этого должны работать лучше, целеустремленнее, с большим напряжением. В этом совет писателей приветствие Центрального Комитета партии. (Аплодисменты)

Речь А. БАРТО МОСКВА

Юный читатель в поэзии ищет прежде всего героики, высоких чувств и патристических дел. Советская детская поэзия просто и поэтично говорит с детьми о самом главном — о Родине, о любви к труду, о людях, строящих коммунизм. Но мы отвечаем на запросы читателей все-таки еще не в полной мере.

Тов. Каиров был прав, говоря, что нет в детской литературе сейчас образа, равного по силе воздействия Тимуру Гайдару. Нет его и в поэзии! Мне кажется, дело тут вот в чем: Гайдар смотрел на детей, как на активных участников жизни, помогающих взрослым в борьбе за коммунизм, а теперь стало принято говорить с детьми лишь о будущем их участия в жизни страны. Пока же им предлагается только учиться.

Как возмущ, детям нужна действенная гайдаровская интонация. Мы же вместо этого, воспитывающих мужество, пробуждающих волю к труду, нередко даем самому активному читателю — юному пионеру — стихи созерцательные, а иногда и умилятельные, где вместо живых детей — вялый перечень зарифмованных имен: «Миши — Гриши», «Шуры — Юры».

Особенно много гадких и пустых стихов появляется в пионерской печати, в газетах и журналах. Одна пионерка записала в своем дневнике: «В этом январье я буду записывать мысли, если они придут мне в голову. Сегодня почему-то никаких мыслей не было. Ничего писать не буду». А в поэзии иногда получается так — мысли не было, а стихи палятся.

Порой в вялых стихах юных пионеров принимают к бодрости, радости. Отношение детей к таким стихам, мне кажется, можно выразить, приведя разговор одного маленького внука с бабушкой. Бабушка долго его укачивает перед сном, а он говорит ей: «Бабушка, перестань мне петь колыбельную песню, я, наконец, спать хочу!»

Не поймите меня неправильно. Тема радости, бодрости, праздника необходима и органична в поэзии для наших детей, но не слишком ли много появилось стихов, внешне ярких, но бессодержательных, в которых говорится, главным образом, об олятах, каникулах, бесконечных развлечениях? Это может привести к неожиданным результатам, ведь мы имеем дело с детьми!

Одного мальчика, который писал явную неувязку к труду, мать спросила: «На что ты расчитываешь, как ты будешь жить, когда вырастешь?». Юный философ ответил: «Я рассчитываю жить уже при коммунизме, тогда никому не надо будет трудиться...». Такое своеобразное представление о будущем не вызвано ли некоторыми детскими книжками?

Великодушные стихи о труде есть в Маршала. В военные годы Михаил в детской книжке «Даня Кузьмич» дал удивительный в жизни образ рабочего паренька-драндота. Пишет о труде молодой поэт Люшин, стиха которого цитировал Кур-

санов. Младшие хорошо приняли книжку Ладончикова. Интересна книжка о воспитании в труде колхозных ребят Иннокентия Луговского. По мирный труд взрослых людей еще не попал достойного отражения в наших стихах.

Прав Б. Полевой, обращая свой упрек в первую очередь к поэтам зрелым. Да, нам надо смелее расширять рамки привычной для нас темы. Но работа поэтов над одной темой, даже над очень важной, вытесняет другие, не должна заслонять других тем. И уж никак нельзя, чтобы тема превращалась в кампаню! Только многообразие тем закономерно в поэзии. О том, как важно при решении новых задач, помнить о своих возможностях и найти свой поэтический угол зрения, очень хорошо уже сказала Берггольц. Правильно она заступилась и Е. Шварца. Мне кажется, Б. Полевым нужно было, справедливо критикуя неудачную сказку, сказать о его удачной и любимой детям книжке «Первоклассница».

Большая современная тема неохотима и для малышей. Маленький читатель не знает, в каком году написано стихотворение, он всегда применит стихи к сегодняшнему дню. Тут бывает совершенно неожиданное толкование. Например, во время выборной кампания один мальчик спросил свою мать, которую выбирала в районный Совет: «Хочешь, я спую тебе песенку о выборах?». И спел: «Каравай, каравай, кого любишь, выбери!»

В детской поэзии, в жанре веселой книжки радуют некоторые молодые голоса: стихи украинского поэта Бойко, первая книжка ленинградской поэтессы Серовой, Кста, с этой книжкой произошла любопытная история. Когда наши критики справедливо стали говорить о необходимости конфликта и в детской книге, один из них в полемическом пылу потребовал конфликта даже от ясного солнышка, от таких строчек:

Встал утром Солнышко И гулять отправилось, И на нашей улице Все ему поправилось.

Критик, очевидно, хотел, чтобы солнышко на улице тут же что-нибудь не понаправил, чтобы оно осветило, так сказать, темные стороны жизни. С этим критиком стали спорить другие критики, и четвертинные приобрели известность. Но вот что удивительно: хотя-на нем скрепялись плаги в статьях и на дискуссиях, ни один из критиков не написал о самой книжке молодого, одаренного автора.

Веселых книг для малышей недостаточно. В планах Ледяга они занимают скромное место. И мы иногда обходим язык веселого стиха, лишая его меткой игры слов, неожиданного каламбура, но ведь «много на игре слов ребенок учиться тонкостям родного языка», — сказал Горький. Мы же поэтам говорим с детьми на безжизненном, «литическом» языке.

(Окончание на 3-й стр.)

Речь В. КЕТЛИНСКОЙ ЛЕНИНГРАД

Вопросы творчества являются для нас сейчас основными. Почему же получилось так, что на съезде много времени уделялось и уделяется вопросам организации жизни союза? Только потому, что за

последние годы у нас в союзе многое стало нехорошо, и все мы чувствуем свою ответственность за организацию, все хотим и обязаны сделать так, чтобы она работала лучше.

Нужно вернуть нашему союзу характер общественной организации, заложенный Горьким, где вопросы творчества решались бы коллективно, где была бы ключевая инициатива и опытейших мастеров и молодежи.

Речи печатаются по сокращенным стенограммам

Речь А. БАРТО

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

Дети хорошо чувствуют юмор, прекрасно понимают и сатирическую интонацию. Любопытно, что некоторые критики в последнее время стали до того злобными по отношению к сатире, что предлагают даже, как новое открытие, ввести сатиру в детскую поэзию. А между тем всем известны «Мастер-домаштер», «Упрямый Фома», «Дитрих Ахмед» и многие другие сатирические портреты — они были в цель и помогают детям преодолевать недостатки. И когда теперь многие поэты и критики доказывают право сатиры на существование, трудно не вспомнить Пльба и Петрова, сказавших однажды, что хватит «боротыся за чистоту» — надо просто взять метлу и подмести. Пора детским поэтам больше писать хороших сатирических стихов, редакторам смелее помещать их, критикам конкретно заняться их разбором.

Остро и конкретно говорил здесь о сатире Михаилков. Но как было бы ценно, если бы с такой же заинтересованностью и знанием дела об этом говорил не только поэт,

работавший в этой области, а, например, и критик Ермаков. Много ли мы читаем критических статей о журнале «Крокодил»? В частности, о стихах в журнале — всегда ли они содержательны и бьют в цель или иногда профессионально слабы и медки для общественно-политического журнала. Я говорю о «Крокодиле», потому что его охотно читают дети, что им не всегда полезно. Ведь нельзя же, чтобы они с пятилетнего возраста смеялись, рассматривая стили!

Детский журнал «Мурзилка» завел у себя специальный раздел юмора и сатиры. Но критика не заметила этого начинания, а для журнала очень важно, чтобы она поощряла его дальнейший путь. Конкретная критика, право же, больше поможет развитию юмора и сатиры, чем самые страстные, но отвлеченные призывы.

Хотелось бы, чтобы новое правление Союза писателей проявило к детской литературе горьковское отношение, глубокую заинтересованность. Это дело не только творческих секций, но и всего Союза советских писателей. (Аплодисменты).

Речь К. ЗУБОВА МОСКВА

Дорогие друзья! От имени тех, чьи судьбы тесно связаны с вашими, более того, иногда зависят только от вас, от имени актеров и режиссеров Государственного Малого театра, от имени актеров и режиссеров Москвы позвольте мне горячо приветствовать вас в эти волнующие дни Второго всесоюзного съезда советских писателей. (Аплодисменты).

На Первом съезде советских писателей Алексей Максимович Горький сказал, что вы, писатели, предстоите трудная работа. Вы должны создать могучую литературу, которая будет нужна не только народам нашей страны, но и всему миру. С трибуны Второго съезда мы можем с гордостью сказать сегодня: у нас есть своя советская литература, литература подлинно народная, выражающая стремления и чаяния народа, литература самая идейная и гуманистическая в мире.

Она предстала перед всем миром во всем богатстве своего содержания, во всем изумительном разнообразии жанров и форм. Теперь вас читает весь мир, и перед всем миром раскрывается величие пройденных нами лет, встают, как живые, образы творцов-социалистов, образы наших современников, борцов за коммунизм. «Советская литература превратилась в неотъемлемую часть культурной жизни китайского народа», — свидетельствует выдающийся писатель нового Китая Мао Дунь. Наша литература воспитывает миллионы и миллионы читателей всех стран.

Мы гордимся достижениями нашей советской драматургии, начало которой положили бессмертные произведения Горького и Маяковского. Советский театр никогда не достиг бы таких успехов в правдивом изображении нашей неповторимой эпохи и ее славных героев, если бы он не имел советской драматургии. Это она позволила советскому театру стать высокой общественной трибуной, с которой звучат вдохновенные идеи коммунизма.

В нашу стремительную эпоху время движется семимильными шагами. Вот почему, думая о будущем, я призываю вас, друзья, от имени всех работников театра — не останавливайтесь на достигнутом! Не спешите, но и не медлите! Иначе жизнь обгонит вас, дорогие товарищи драматурги, а вместе с вами обгонит и наш советский театр. Не забывайте свою великую ответственность за судьбы советского театра.

Вопросы состояния современной драматургии, а следовательно, и театрального искусства, гораздо серьезнее, сложнее, чем это кажется на первый взгляд.

Несмотря на то, что за последние десятилетием лет были созданы такие замечательные драматические произведения, как «Фронт», «Наместник», «Русские люди», «Сотворение мира», «Победители», «Молодая гвардия», «За тех, кто в море», «Великая сила», «Московский характер», «Независимый 1919-й», «Счастье», «Чужая тень», «Семья Журиных» и другие, мы вместе с тем, со всей партийной открытостью, должны здесь сказать, что подлинно смелых, глубоких, высокохудожественных пьес все еще недостаточно для советского театра.

Художественные требования нашего народа неизмеримо растут. Мы каждый день убеждаемся в этом. Наши зрительные залы холодны, когда мы показываем схематичные пьесы, в которых нет ярко очерченных характеров, нет глубокого раскрытия внутреннего мира советского человека, нет больших страстей. Об этом трудно говорить, но сегодня надо сказать, что на 1955 год ведущие театры Москвы, а может быть, и всего Советского Союза не имеют еще в своем портфеле таких новых

Речь В. ВАГАРШЯНА АРМЕНИЯ

Второй след писателей должен наметить пути другого подъема нашей драматургии. Этого ждут от него все работники кино и театрального искусства, этого справедливо ждет наш зритель.

Настоящим и единственным объектом литературы и искусства, как мы знаем, является человек, его психология, его мироощущение. Между тем, наша драматургия, особенно за последние десять лет, претерпела преимущественно как так называемой производственной тематике, как констатировал в своем содокладе А. Формичук.

Естественно, что трудовая деятельность советского человека должна найти свое достойное отражение в советской литературе. Но задачи искусства шире. Литература и искусство обязаны объяснить человеку, как жить. Об этом, кстати, нам напомнили московские пионеры, приветствовавшие съезд. А наша драматургия настолько привыкла преподавать рабочему те или иные элементы производств.

В нашей литературе и драматургии проблемы любви отодвинуты на задний план. А ведь молодежи нужны современные Ромео и Джульетты. Дайте ей драмы о высокой, чистой любви, и она заполнит театры,

пес, в которых высокая идейность сочеталась бы с художественным мастерством. Мы не снимаем и с себя полной ответственности за создавшееся положение в области репертуара. Наши театры не всегда с достаточной глубиной раскрывают произведения советских авторов, не всегда оказывают нужную и верную творческую помощь драматургам в их работе над пьесой. Это говорит о том, что мы с вами в равной мере несем ответственность за состояние советского театрального искусства.

Отвечая вашему содокладчику, тов. Корнейчуку, мы говорим: будем, обязательно будем ставить Островского, Шекспира, Шиллера и Лопе де Вега. Наш народ должен увидеть со сцены лучшие произведения мировой драматургии, но мы никогда не можем отойти и не отойдем от своей главной цели, за которую мы вместе с вами боремся и будем бороться, — за нашу советскую драматургию, за то, чтобы в дружбе с театром рождались яркие спектакли, в которых была бы раскрыта правда о нашей жизни, о наших замечательных людях. К этому призывала нас на протяжении всего развития советской литературы наша партия.

О партийности литературы говорил великий Ленин. Пишите правду, товарищи! Пишите правду, которую художник познает только тогда, когда он способен постичь великие законы развития объективной действительности. Все смелое, все честное, все правдивое всегда найдет поддержку у нашего народа, у нашего зрителя, потому что это народ, воспитанный Коммунистической партией. Высшее его художественный вкус. Велика его любовь к Родине. Чутка его душа ко всему подлинно прекрасному в искусстве и в литературе, и мы, деятели театра, вместе с вами сегодня должны дать обещание, что двери театров будут открыты для серьезных, смелых, схематичных, безидейных пьес. Этого требует от нас народ, а требование народа — закон.

И обращаюсь от имени деятелей театра с призывом к вам, дорогие драматурги, обращаюсь и ко многим прозаикам и поэтам — не сбрасывайте и вы с себя ответственности за судьбы советского театра, не забывайте о великих традициях Пушкина, Гоголя, Тургенева, Писемского, Чехова, Толстого, Горького. Они умели находить в себе желание и силы писать для театра. Они внесли свой неоценимый вклад в мировую литературу, создали русскую классическую драматургию. Приумножайте этот драгоценный клад, дорогие товарищи! Искусство театра — это острое оружие современности, и без ваших произведений это мощное оружие советской культуры может оказаться в бездействии.

Мы призываем драматургов стать ближе к практической жизни театра. Посещайте репетиции не только во время постановки своих спектаклей, но и постоянно участвуйте в жизни того или иного театра в качестве члена его художественного совета, члена руководства театра, изучайте творческую практику актеров и режиссеров.

Наконец, нам кажется правильным, если бы Союз писателей — его секция драматургии взяла на себя значительную долю ответственности за состояние современного репертуара драматических театров Москвы, которые, как известно, являются крупной репертуарной лабораторией для всей страны.

Дорогие товарищи! Приветствуя вас сегодня, мы, работники театра, выражаем глубокую уверенность, что Второй след писателей положит начало новому мощному расцвету нашей великой многонациональной литературы. (Аплодисменты).

будет учиться любить так, как должны любить хорошие, благородные люди.

Классика литературы, хорошо понимая силу воздействия любовных мотивов, в своих произведениях даже гражданские, социальные, общественные проблемы решали порой с помощью любовных фабул. Нередко поступал так и наш учитель Максим Горький. Мы же отводим любовным мотивам второстепенное и даже третью-степенное место. Мы мало занимаемся взаимоотношениями отцов и детей; почти не интересуемся нас и благодарная тема матери. Из поля зрения наших литераторов выпали также «вечные» темы, как жизнь и смерть, дружба и ревность и т. д.

Мы также почему-то считаем неудобным и неактуальным в нашей литературе изображать здоровую чувственность и плотскую страсть. Вспомним слова Ф. Энгельса из статьи о стихах Георга Вера: «Пора бы, по крайней мере, неким образом разрешить привычку говорить о том, чем они сами занимаются днем или ночью, о естественных, необходимых и чрезвычайно приятных вещах так же неприлично, как романские народы, как Гомер и Платон, как Гораций и Ювенал, как Ветхий завет и «Новая Рейнская Газета».

Темы эти всегда, во все времена и у всех народов жили и живут в мыслях и душе человека. Следовательно, они должны иметь свое место рядом с остальными темами искусства и литературы. Отсутствие их делает литературу бледной, однообразной и неинтересной.

Вина за это ложится и на наших критиков и теоретиков, способствующих одностороннему развитию литературы.

Немало было теоретических статей о конфликтах? Статьи эти обычно рассматривают проблему конфликта лишь в сфере производственных явлений.

Я не отрицаю бесперывного конфликта между новым и старым, я не игнорирую производственную, трудовую тематику, я лишь настаиваю, что и в произведениях на производственную тему в основе драматических коллизий непременно должна быть судьба человека. В противном случае вопросы, поднятые автором, какое бы большое государственное значение они ни имели, не коснутся струн души зрителя, пройдут мимо него.

Когда-то в пьесе «Далеко от Сталинграда» я играл роль инженера-новатора Березина, который в грозные дни Отечественной войны боролся за свой метод работы, благодаря которому производство должно было подняться на 200 процентов. Нет слов, проблема очень важная и серьезная. Производственная победа Березина, правда, получила одобрение зрителя, но не задела его души, так как в драматической коллизии под сомнение бралась не судьба Березина, как судьба живого человека, а лишь судьба предложенного им метода, как производственной проблемы.

Речь М. ПАПАВЫ МОСКВА

Я принадлежу к очень немногочисленной группе писателей, отдавших свою биографию кинематографу, и я не жалею об этом. Но наше подразделение профессиональных кинематографов слишком мало численно, чтобы вынести на своих плечах масштабность новых задач, которые поставлены перед кинематографом.

Выпуска 150 художественных фильмов, студии должны заказывать писателям 450 сценариев в год. Это значит, что каждый восьмой от общего количества всех наших писателей должен прийти в кинематограф. И позвольте напомнить вам слова Горького, произнесенные им на специальном совещании по кино: «Литераторы должны в деле кинематографии принять живейшее участие. Нужно сценарии делать нам, литераторам, это дело наше».

Что же мешает широкой и большой титле писателя в кинематограф?

И здесь встает один из самых основных вопросов, который мы часто замалчиваем в производственной сутюжке нашего сложнейшего искусства. Это вопрос о наиболее полном проявлении писательской индивидуальности в кино. Правда, для того, чтобы не потерять свою индивидуальность, надо ее иметь. Надо, чтобы эта индивидуальность писателя была отчетливо и ярко проявлена в сценарии, в видении мира, рассказанного точным и пластичным языком кинематографа. Я сказал бы, что сопротивление жизненного материала, укладываемого в жесткие рамки сценария, несравненно сильнее, чем в любом другом жанре нашей литературы.

А ведь как часто писатель — «краснодеревец» в прозе или драматургии — рассматривает сценарий, как отходный промысел, и работает, как называет, плотничьим топором. Да, иной раз сам писатель виноват, что не смог проявить свою индивидуальность в кино. Но есть и другая сторона этой проблемы, которую никак нельзя переложить на плечи писателя.

Кинематограф не только искусство, но и сложнейшее производство. Не путаем ли мы иной раз в этом двуклоном понятии? Можно и должно планировать и административно управлять фабриками пленки, массовой печатью, финансами, но следует ли эти методы автоматически переносить и на самый творческий процесс? А ведь мы это сделали в кинематографе в послевоенные годы.

Не слышим ли много наставников, советчиков сопровождали писателя и режиссера в создании фильма? Не эта ли подчас безответственная и безымянная «коллективная» пугает писателя, останавливающегося перед дверями студии?

Мы хотим нашей личной творческой ответственности за наши произведения в кино перед народом, партией, страной. И это не ретивый этакое мелкобуржуазное индивидуализма, не некое анархическое желание полной «самостоятельности» творчества. Нет. Это естественное для советского художника желание отвечать за свою работу в кинематографе такой же полной мерой ответственности, как это существует у нас в прозе, поэзии, театре.

Мы помним и изучаем указания партии по вопросам искусства, литературы, кино. Эти указания были и будут основными вехами на нашем творческом пути. А товарищи, много лет описывая нас по ведомству кинематографии, полагают, что нам самым не под силу осмыслить эти указания партии в нашей творческой практике. Глубина марксистско-ленинской эстетики часто подменяется мелочной и административной опекой в кинематографе — от первой заляки писателя до утверждения актеров за главную роль.

Эта ведомственная опека и приводила к утрате индивидуальности художника, к обезличиванию и нивелировке в искусстве, против чего всегда нас предупреждали партия, великий Ленин.

У нас не было своего кинематографического Велика или Протопопова. Святыня этой ведомственной эстетики нигде не были вывешены или напечатаны: они возникли и укреплены в «рабочем порядке», в порядке изменений, уточнений, поправок. И если говорить о современной теме, то эта ведомственная эстетика отражала кинокадра от реальной и прекрасной

Со справкой выступил В. Овчинкин. Поддерживая с Б. Алашимовым, В. Овчинкин отстаивал свое отрицательное отношение к писательскому галынку в прозе Перелькина.

Ответа М. Паратимову, упрямившему его за то, что он не высказал своего отношения к статье Имеранцева, содержащей фальшивые комплименты в его адрес,

Вот другой пример. Я играл роль Смита в пьесе К. Симонова «Русский вопрос». Раскрытая этот образ, я делал акцент на крушении любви Джесси и Смита. Чем горячее была любовь, тем острее становилось столкновение Смита с Макферсоном, тем острее было столкновение Смита и Джесси. Зритель был возмущен, так как счастье его любимых героев рушилось из-за бизнесменов — дельцов.

Такие возможности «очеловечить» образ, если только они бывают в пьесе, никогда не ускользают из поля зрения артиста. Искусству театра и кино нужны острей и бурные столкновения человеческих страстей, характеров, психологий. Театру нужны конфликты, касающиеся всех уголков человеческой жизни — и трудовой и личной жизни. — имеющие социальное-общественное значение.

Рост актерского таланта возможен лишь на больших и широких полотнах. А рост драматургии без профессиональной заинтересованности артиста почти невозможен. Это обстоятельство должно стать осью совместной работы театра и драматурга. А ведь это взаимное обогащение и есть прочный залог развития и театра и драматургии.

В Москве, действительно, нужно организовать театр дружбы народов. Это было заветной мечтой Алексея Максимовича Горького. (Аплодисменты).

Мы уверены, что Второй съезд писателей уделит серьезное внимание наиболее важным вопросам советской драматургии и под руководством нашей могучей Коммунистической партии наметит новые пути ее дальнейшего развития. (Аплодисменты).

нашей жизни и создавала некую условную, парадную и скучную жизнь на экране. В результате в одном из окраинных кинотеатров большой любитель кино, старый мастер завода «Аалбар» сказал мне фразу, которую я никогда не забуду: «Правильно у вас бывает все обозначено, а вот показывать или не показывать редко приходится». И прав был старый мастер. В наших фильмах никто не добивался квартиры или комнаты, не мечтал шить костюм пиджак, сделать сберкнижку, купить мотоцикл. Если будущий историк посмотрит ряд картин, он даже не сможет установить, — было ли денежное обращение в это время в стране. Ведомственная эстетика боялась всех этих подробностей, они будто бы мешали и снижали образ этого идеального, особого кинематографического героя.

В результате интересные картины итальянской прогрессивной кинематографии прозвучали для многих, в особенности для молодежи, как открытие. И это было горько, ибо сами создатели этих картин, как сказал, Де Сантис и Де Сика часто говорили нам о том, что они опирались на огромный опыт и достижения советской кинематографии.

Некоторые наши фильмы начинались тезисами, а кончались выводами. Между тезисами и выводами исчезал живой человек — реальный и, может быть, грешный, временами строить коммунизма.

Наша общая и даже специальная пресса в большинстве случаев не замечала этих недостатков. Она возвышенно и патетически переказывала тематическое содержание картин, — всегда правильное в основе, — и почти полностью игнорировала сценарий, форму нашего искусства и его эмоциональный строй.

Комедия «Верные друзья» А. Галича и К. Исеева, поставленная режиссером М. Калатозовым, с успехом обошла все экраны страны. Трудно поверить, какой долгий бой пришлось вести за нее. Авторам задавались следующие вопросы: — Тема этой картины — борьба с бюрократизмом? — Да. — Можете ли вы рекомендовать путешествие на плоту, как основную форму борьбы с бюрократизмом? — Нет, — растерянно отвечали авторы, — не можем. — Значит основное сюжетное положение в вашей комедии несерьезно.

Более уступчивые оппоненты предлагали заменить плот путешествием на пароходе — формальная логика редактора не замечала, что при этом изменении комедия просто испускает дух.

Мы кажется, что Министерство культуры СССР начинает понимать наши творческие грехи последних лет. Укрепление творческих коллективов, творческие мастерские, самостоятельность студий в творческих вопросах — это, мы кажется, только первые шаги по развязыванию широкой творческой инициативы и повышению ответственности мастеров кино за их произведения.

Пусть наши картины не всегда будут бесспорны, с доводкой до одной тысячной микрона, но пусть в них будет живой пульс нашей прекрасной действительности. Пусть они вызовут спор в яраде, в прессе, в критике. Этот спор нужен нам, как воздух.

Нам нужно кончить раз и навсегда с родной сестрой бесконфликтности, с позудной «теорией» о том, что кинематограф — это нечто вроде парадного крыльца нашей действительности. Для нас, советских художников, влюбленных в нашу жизнь, в наших героев, не может быть парадных горниц и черных ходов в нашей жизни. Есть радость и есть негодование художника, выраженные методом и средствами социалистического реализма. Нет и не может быть особого вида социалистического реализма для кино. И поэтому именно сейчас, перед крутым подъемом нашего киноискусства, к которому нас призывает партия, в кинематографе особенно нужно новое писательское пополнение. Широка нашего жизненного опыта, преданность идеалам партии, высокая партийная писательская страсть в раскрытии янзнего нового человеческого общества средствами кинематографа — вот что будет залогом нового, успешного движения вперед нашего киноискусства. (Аплодисменты).

В. Овчинкин заявил, что считает статью Имеранцева разумной, путанной, вредной, эмигрантской и неадекватной. Но нужно изъять обязательно отключиться на все такого рода выступления? В. Овчинкин возражал против попытки связать его на этом основании с авторами всяких путаных и вредных статей.

Речь Ярослава ИВАШКЕВИЧА

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Дорогие друзья! Я очень счастлив, что мне дана возможность не только участвовать в таком волнующем и важном событии, как ваш съезд, но и произнести несколько слов в историческом зале, где некогда звучал голос Фелера Михайловича Достоевского и, что еще важнее, 20 лет тому назад были произнесены слова Алексея Максимовича Горького, который с таким гениальным вдохновением и с такой откровенной заботливостью руководил нашей общей борьбой за литературное дело.

Доклад Н. С. Тихонова в предельно сжатой форме, неизбежной в связи со строго ограниченным временем, дал нам обзор современной литературы всего мира.

Быть может, по своей природной скромности, — ведь Тихонов сам является одним из выдающихся писателей, определяющих облик советской литературы, — а может быть, просто потому, что он считает подобный факт совершенно естественным и само собой разумеющимся, но докладчик уделит слишком мало внимания тому значению, какое советская литература имеет для всех людей земли, и тому влиянию, какое она на них оказывает.

Мы слышали здесь волнующие выступления представителей народного Китая и Вьетнама. Их слова о значении советской литературы для борьбы и жизни их народов должны были вызвать у советских писателей слезы гордости. Такими же были и выступления представителей стран народной демократии. Со своей стороны, я могу вас заверить, что польские писатели и весь польский народ обязаны советской литературе многим из своих успехов и побед. Писатели обязаны ей преодолением не одной из своих слабостей. А народ — не одной из побед на фронте созидательного, мирного труда, направленного на строительство всего нового, радостного и доброго, что является силой и гордостью нашего отечества. (Аплодисменты).

Советская книга и советский журнал являются нашими подлинными друзьями, а дискуссии, проводившиеся в Союзе советских писателей, — о чем, кстати, не забыл упомянуть и Николай Тихонов, — звучат, как мощное эхо, в нашей литературной среде и являются предметом наших собеседований, обсуждений и дискуссий.

Что тут можно говорить? Мы любим и уважаем советскую литературу. (Аплодисменты).

Тихонов сказал: «Мы должны знать друг о друге как можно больше, мы должны как можно больше читать книг, которые написаны писателями всех стран».

И именно поэтому нам хочется сказать с этой трибуны, что нашим горячим пожеланием является, чтобы наша польская ли-

тература еще глубже изучалась в Советской стране и, конечно, давалась советским читателям в отличных переводах.

Николай Тихонов сказал: «Мы восхищаемся высоким пафосом пьесы Леона Кручковского». Я знаю, что немногие советские читатели и зрители могут разделить восхищение Тихонова этой пьесой, так как она еще не напечатана и не поставлена ни в одном из советских театров.

Мне приходится заметить также, что большинство из произведений современной польской литературы, о которых говорилось в докладе, незнакомо советскому читателю. Книги Казимежа Брандыса, Людзяна Рудницкого, Богдана Чешко до сих пор не переведены, не говоря уже о произведениях других авторов, не упомянутых в докладе, таких, как Мария Домбровская, София Налковская, Мечислав Иструп, и многие, многие другие.

И мне хочется сказать еще одно: я хорошо понимаю, что Николай Тихонов говорил о современной литературе, но мне лично в его докладе не хватило нескольких слов — буквально одной фразы о родолюбивой польской прогрессивной литературе.

Из доклада Николая Тихонова можно было сделать вывод, что и сама польская литература и дружба русских писателей с польскими берут свое начало не раньше 1945 года. А ведь у этой дружбы есть давняя и славная традиция. Ведь были поляки — друзья декабристов. Станислав Ворель был другом Герцена, а Мицкевич был другом Пушкина. (Аплодисменты).

Ведь что-нибудь да значит тот факт, что Алексей Максимович Горький, друживший со Стефаном Жеромским, дал замечательную и меткую оценку характера его творчества. Ведь что-нибудь да значит, что Лев Толстой в своем «Воскресении» нарисовал верные благородные образы польских революционеров, которые погибли «за нашу и вашу свободу».

Я надеюсь, что будущий год, который пройдет под знаком сотой годовщины смерти Адама Мицкевича, даст в руки «друзьям-русским» целый ряд переводов наших замечательных книг, о которых чуткий, впечатлительный и справедливый судья — советский читатель может судить уже по собственному к ним отношению, а не с чужих слов.

Это должно быть сделано во имя нашей сердечной дружбы, во имя нашего глубокого, взаимного уважения. (Аплодисменты).

«За нашу и вашу свободу» — девиз, подлинный в дни восстания 1830—31 гг. и черта, выходящая на боковых знаменах польского народа.

И хочется в виду названия стихотворения А. Мицкевича, посвященного декабристам.

Речь Сеида НАФИСИ ИРАН

Иран не только ближайший сосед Советского Союза, но и страна, где хорошо знают советскую литературу. Не только молодые иранские писатели знают и изучают лучшие произведения русских и советских писателей, но и самые широкие слои иранских трудящихся, несмотря на все трудности нынешнего положения в стране, с неутомимой жаждой обращаются к советским книгам.

Первые персидские поэты, считая, что литература может помочь народным и национальным движениям, исходили из реализма.

Феодалный режим превратил литературу в средство для достижения своих целей. Но даже в период наивысшего расцвета феодализма литература не принадлежала ему полностью. И национальные общества и организации, возникавшие то открыто, то подпольно в различных уголках Ирана, звали народ на борьбу с угнетателями, широко использовали литературу. И поэтому влияние литературы в этих организациях создали очень интересную, подлинно народную литературу, давшую сотни славных имен, таких, как Омар Хайям, Аттар, Саади, Хафиз и другие.

Во все эти периоды поэзия развивалась быстрее прозы, так как иранские поэты считали стихи более действенным средством влияния на народ. Вот почему иранские поэты постигли изумительное, неподражаемое мастерство выражать очень серьезные и сложные мысли в небольших поэмах или даже в одном четверостишии, чтобы народ запомнил эти мысли на всю жизнь и всегда следовал им. Этот закон, присутствующий в иранских поэмах, особенно хорошо выразился в стихах знаменитого Омара Хайяма.

Иранские писатели стремились найти образцы, которые могли бы получить большую отклик у иранцев. Народ, начавший 11 веков назад свою литературу с реализма, искал теперь путей спасения литературы от индивидуализма, узости и ограниченности, господствовавших веками. Вместо придворной литературы, служившей для развлечения привилегированных классов, надо было создать подлинно народную литературу.

Общественная жизнь все более сближала трудящиеся массы, и литература должна была отражать эти общественные движения, а не запутанные индивидуальные переживания. Единственным примером для молодых иранских писателей была русская, а впоследствии — советская литература. (Аплодисменты).

Великая Октябрьская революция сразу же получила отклик в Иране, народ которого в течение долгого столетия страдал от угнетения со стороны сопереживавших между собой иностранных империалистических держав. Иранский народ с нетерпением ждал этого живительного ветра свободы. Вдохновленные советского правительства, нашедшее отражение в ирано-советском договоре 1921 года, всегда будут освещать своим блеском современную историю Ирана. (Аплодисменты).

С тех пор иранская интеллигенция и, особенно, иранская молодежь имели перед собой великий пример, который был для них лучшим поводом к развитию во всех областях жизни, особенно в литературе и искусстве.

литература почерпнула много сил из того неиссякаемого источника вдохновения, который является для нее Советский Союз.

Из дореволюционных русских писателей произведения Чехова переводились на персидский язык 44 раза, Л. Толстого — 32 раза, Пушкина — 25, Тургенева — 22, Гоголя — 16, Достоевского — 12, Лермонтова — 11. Салтыкова-Щедрина — 5 раз, Крылова и Некрасова — по 4 раза, ряд произведений Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена и Короленко также переведены на персидский язык. Сейчас я готовлю к изданию труд «История русской и советской литературы», 448 страниц этой книги, относящейся к дореволюционному периоду, уже напечатаны. (Аплодисменты).

Сегодня основным литературным направлением, принятым почти всеми иранскими писателями, является реализм, лучший выразитель которого была и есть советская литература. Первые рассказы Горького были переведены на персидский язык в 1908 году. С тех пор Горького переводили на персидский язык 72 раза. Сейчас я в Тегеране готовлю к печати большую монографию о Горьком. Помимо произведений Горького, этого великого мастера мировой литературы, произведения многих советских писателей переведены на персидский язык: Эренбург — 22 раза, Подзевый — 6 раз, Симонова и Шолохова — по 4 раза, А. Толстого и Ванды Василевской — по 3 раза, отдельные произведения Серафимовича, Маяковского, И. Островского, Тихонова, Навленко, Веры Инбер, Суркова, Федина, Фелина, Катаева, Горбатова, Гроссмана, Маршала, Шагинян, Василенко и других также стали доступными иранским читателям.

Иранцы не отстали от других в деле ознакомления своего народа с лучшими произведениями советских писателей. (Аплодисменты).

Здесь надо упомянуть добрым словом благородную работу Иранского Общества культурной связи с СССР. В этом обществе работают наши лучшие литературные силы. Оно выпускает ежемесячный журнал «Новая весть». Журнал этот не только знакомит иранских читателей с лучшими произведениями советской литературы, но и с теми величайшими возможностями, которые получили писатели братских союзных республик. Особенно для нас поучительны путь среднеазиатских советских республик, исторически наиболее близких нам, которые за короткий период достигли небывалого расцвета и культуры. Произведения крупных таджикских писателей — Садриддина Айнаи, Турсунзаде, Миршаджа, Улугзаде, Икрам, узбекских писателей — Гафара Гулама и других, туркменского писателя — Кербабоева и других, азербайджанских — М. Ибрагимова, Самеда Вургуня, Мехти Гусейнова, армянских — Г. Севуцян и других — являются для нашей молодежи прекрасными образцами того, как надо создавать национальную и подлинно народную литературу.

Особенно хочется сказать о том, что стихи и выступления поэта Абульгасима Ладжуди горячо восприняты иранцами, так же как и книга Г. Севуцян «Тегеран». (Аплодисменты).

Здесь, на Втором съезде советских писателей, я, как писатель и гражданин, считая своим долгом со всей скромностью склонить голову перед крупнейшими мастерами слова, труд которых является источником вдохновения всей современной мировой литературы. (Аплодисменты).

Речь Марина ФРАНИЧЕВИЧА

ЮГОСЛАВИЯ

Традиция великой русской и советской литературы, произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова, А. Толстого, Леонова и многих других писателей, известных всему миру, жили и живут непрерывно в моей стране. Они живут у нас, как у себя дома, — как в Советском Союзе. Эти произведения всегда вызвали и вызывают у нас творческое влечение. С тех пор, как Пушкин «Авралы» поведал о новой эпохе в истории человечества, наша литература все время утверждала себя в постоянной борьбе за всеобщее укрепление творческой мощи человека.

Продолжая благородные традиции прошлых столетий, наши лучшие писатели, от Бржежи и Цесаря до наших современников, создавали в период между двумя войнами, несмотря на тяжелейшие условия монархической диктатуры, прогрессивные произведения, непосредственно связанные с борьбой пролетариата.

Новая югославская литература является естественным приемником этой боевой литературы. Далеко не случайно оказалось то, что в 1941 году в борьбе югославского народа приняло участие такое большое количество писателей. Многие из них отдали свою жизнь в борьбе за свободу. И так же, как во время войны, югославские писатели, вместе с другими гражданами Югославии, боролись против фашистских захватчиков, — точно так же сейчас мы, писатели Югославии, под идейным руководством Союза коммунистов Югославии боремся за строительство социализма в своей стране, за мир, за равноправие наших народов, за их активное сотрудничество, считая эту борьбу своей самой важной, своей первой патристической и общечеловеческой задачей.

Эта борьба — борьба за лучшее взаимопонимание между народами — объединяет и должна объединять всех прогрессивных писателей мира отныне и навечно. Их тесные связи особенно необходимы теперь, ибо человечеству продолжает угрожать призрак войны и уничтожения. Роль литературы в этой борьбе — огромна, и мы, писатели, не

взирая на то, принадлежим ли мы к малым или к большим народам, должны, и просто как люди и как писатели, действовать в этом направлении, неся ответственность перед своей совестью, перед своими народами и перед всем человечеством.

Искусство и особенно литература всегда связывали и сближали народы, их культуру; если искусство — настоящее, оно никогда не будет разделять, ибо такое искусство не знает границ.

Мы, писатели Югославии, — против раздора между народами. Мы считаем: сотрудничество во всем, что помогает миру и прогрессу, должно стать принципом каждого прогрессивного человека и в особенности писателя. Это необходимо во имя того, чтобы человечество могло избежать катастрофы, которая все еще угрожает. Воздвигать мосты между народами и людьми и смотреть без предрассудков и предубеждений на культуру других народов, с открытым сердцем принимать все, что в интересах прогресса и мира, — таковы наши устремления.

Все писатели не думают и не могут думать одинаково. Они не могут одинаково относиться и не относятся одинаково к проблемам литературного творчества. Но всех их должна связывать единая любовь к будущему человечеству. И, по моему скромному мнению, в настоящее время — в такое время — следует искать критерии как можно более широкие.

Не следует забывать, что существовали и существуют еще писатели, которые, являясь людьми честными и передовыми, создают произведения, которые вследствие различных причин не имеют всеобщего значения. Была и наоборот. В этом отношении Балзак был далеко не единственным. Произведения современного писателя, равноценные произведениям Балзака, вошли бы в общую сокровищницу человечества, точно так же, как и произведения современного Гоголя.

Мы знаем, что нет искусства без тенденции. Но великое искусство во всем разнообразии его форм должно служить человеку, оставаясь искусством, иначе оно служит

Речь Альфредо ГРАВИНЫ

УРУГУВАЙ

Я приветствую Вторую съезд советских писателей от имени уругвайских писателей и от всего уругвайского народа.

Это от имени мы, делегаты Уругвая, приняли необычайно почетное для нас приглашение Съезда писателей. Мы приехали на съезд с полной уверенностью в том, что узнаем здесь много полезного.

В нашей литературе за последние годы появилось стремление преодолеть фатализм и мрачный тон обреченности, свойственный нашим произведениям критического реализма. Вдохновляемые замечательными произведениями советских писателей, показывающими нам новый светлый путь развития литературы, мы стараемся давать такие произведения, которые указывали бы нашему народу выход из его тяжелого положения, отражали бы борьбу классов в нашей стране, показали бы надежду на

Речь Мавахоба аль-КАЙЯЛИ

СИРИЯ

Наша страна совсем недавно освободилась от иностранной оккупации, и ныне наш народ борется за свою национальную независимость, плечом к плечу с другими народами отстаивая мир на земле.

Это обязывает нас, арабских писателей в Сирии, верой и правдой служить своему народу и бороться за его интересы, и прежде всего — за свободу и мир.

В своих произведениях мы стремимся дать правдивое изображение человека, поднимающегося на борьбу за избавление людей от тревог и лишений, на защиту наших книг, детей, цветов от тех, кто несет им смерть.

В нашей цели ведет несколько путей: здесь и возрождение древнего наследия арабской литературы, изучение его в новом свете, в свете истории нашей вековой борьбы за свободу и правду; здесь и непримиримая борьба с так называемой «литературой», которая по различным империалистическим дорогам и планам вместе с другими товарами экспортируется к нам в бесстыдном наряде, с парумянными ще-

Приветствие Хуана РЕХАНО

ИСПАНИЯ

От имени прогрессивных испанских писателей, живущих в эмиграции, я горячо приветствую Вторую съезд советских писателей, являющийся живым выражением чувств и культуры героического народа СССР, народа Ленина, Сталина и Горького.

Прошло двадцать лет со времени Первого съезда советских писателей. За работой Первого съезда советских писателей в Испании следил с большим интересом и с чувством энтузиазма. Я уверен, что те же чувства пробудит и Второй съезд советских писателей, ведь в котором дойдет до Испании, несмотря на все препятствия и вопреки цензуре.

Те дни 1934 года, когда работал Первый съезд писателей, были для моей родины днями больших и радостных надежд. Под сенью республик мы боролись за избавление от полудекадального прошлого, за то, чтобы сделать достойной человека материальную и духовную жизнь нашего народа. И мы видели, как народ, невзирая на трудности, прокладывал постепенно себе дорогу. Это законное стремление народов к лучшей жизни не смогло осуществиться: началась война, которую развязал свой и языческий фашизм, поддерживаемый армией Гитлера и Муссолини, при соучастии так называемых западных демократий. Еще задолго до того, как Черчилль задумал повернуть оружие против своих союзников, английский империализм позвонил с помощью этого оружия расправиться с испанскими детьми и матерями. Три года продолжалась неравная борьба. Лучшие и наиболее сознательные испанские писатели были на стороне народа, как были на его стороне и советские писатели и весь советский народ.

И когда тысячи испанцев вынуждены были эмигрировать, вместе с ними эмигри-

ему плохо или вовсе не служат. Точка зрения писателя, как и его направление, — это не то же, что метод, это нечто отличное от его метода, и это отнюдь не определяет всей ценности того, что создано писателем. Направления меняются, и каждая эпоха имеет свою форму выражения в литературе и реалистический метод, который исходит от правды жизни, проявляется по-своему во все эпохи. Я подчеркиваю — правда жизни, потому что движение, как известно, никогда не прекращается, и потому, что жизнь непрерывно развивается, и потому, что человечество, его лучшая часть, никогда не теряет перспектив.

Верно отразить жизнь — значит отразить эту перспективу, отразить то новое, что в жизни непрерывно появляется и утверждается, влечет вперед. Отразить от правды жизни — для литературы всегда опасно, ибо где граница и что является мерлом, если не сама жизнь. Правда жизни, искренность и непосредственность, настоящая гуманизм, полная свобода исканий и индивидуальных форм выражения — вот основы, на которых зиждется наша современная литература. В последние годы она наряду с общим развитием социалистического демократизма в области экономической, политической и общественной жизни переживает новый подъем. Наша литература обогащается несколькими художественными произведениями, особенно в области прозы и поэзии.

Нас, писателей Югославии, радует каждое значительное произведение, любое проявление культуры, прогресса любого народа, потому что мы верим в будущее человека, который побеждает и победит силы мрака, потому что мы верим в культуру, которая когда-нибудь станет общей для всех народов, потому что верим в социализм.

Нас искренне радует каждый ваш успех, каждый успех советской литературы, и от имени писателей Югославии я желаю вам еще большего успеха в вашей будущей литературной работе. (Аплодисменты).

Речь Альфредо ГРАВИНЫ

УРУГУВАЙ

люди ищут в ваших книгах ответов на вопросы, возникающие в их сознании под влиянием империалистической пропаганды. Люди стремятся почувствовать живое дыхание надежды, чистой веры в жизнь, победу, в дело мира и прогресса, в счастливое будущее человечества.

И говорю все это вам, товарищи советские писатели, от имени уругвайского народа, от имени его страждущих и мужественных тружеников. Всем сердцем мы хотим помочь им. И советская литература — неопытная помощь нам: она помогает нам воспитывать массы.

И уверен, что огромно будет значение этого съезда в деле развития прогрессивной литературы, в деле укрепления дружбы между народами, в деле развития прогрессивного интернационализма и борьбы за счастье человечества. (Аплодисменты).

Речь Мавахоба аль-КАЙЯЛИ

СИРИЯ

подобные книги в мире, все законы которого враждебны народу, в мире, где литература, защищающая народные интересы, расценивается, как подрывная, а тех, кто создает ее или читает, подвергают гонениям, вплоть до заключения в тюрьму.

Однако никакие трудности не страшат тех, кто стремится зажить в сердцах людей огонь борьбы за свободу народа. И наша воля к победе становится крепче, когда мы обращаем взор к вашей стране, к великому Советскому Союзу, обращаем взор к его достижениям в области науки и искусства. (Аплодисменты).

И неспроста обогатил мировую литературу и создал прочные основы новой цивилизации.

И если советские писатели считают, что они несут ответственность за будущее советской литературы, то мы — читатели в арабских странах — считаем, что они несут в большой мере ответственность и перед всем человечеством, как защитники сокровищ и высоких идеалов, созданных цивилизацией. (Аплодисменты).

Речь Альфредо ГРАВИНЫ

УРУГУВАЙ

Немало представителей интеллигенции обращаются к лучшим испанским борцам, коммунистам с просьбой направить их и оказать им поддержку в борьбе против вассального режима Франко и американских империалистов, под дулку которых они пляшут. Я уверен, что эти писатели очень скоро станут мощной боевой силой. С этой высокой, служащей делу мира трибуны я позволяю себе обратиться к моим соотечественникам-писателям с призывом: используйте свои силы, все свои интеллектуальные способности отдать этой борьбе. Мы, находясь в эмиграции, будем помогать нашему народу в его борьбе.

Советская литература, богатая и разнообразная, направляет многих из нас на протяжении всего этого времени. У нее мы учились лучше понимать людей, видеть противоречия, встречающиеся в жизни на каждом шагу. Для нас, живущих в мире, где литература, как и все остальное, в своей большей части развращена, книги, рожденные под влиянием социалистического реализма, произведения советской литературы, отражающие новую многообразную творческую жизнь социалистического общества, трудовую жизнь, благотворные мирные цели этого великого народа, — служат живым примером, поучительным уроком. Еще большим примером они будут служить нам в будущем.

Будьте уверены, товарищи писатели Советского Союза, что этот съезд окажет мощное влияние не только на вас, но и на нашу работу. Обогащенные вашим примером, полные благодарности и любви к советскому народу, мы вернемся к своей работе, чтобы продолжать нашу борьбу, как писатели и как создатели мира и братства между народами. (Аплодисменты).

Речь Альфредо ГРАВИНЫ

УРУГУВАЙ

В канун нового года, когда разнеслась весть о том, что французский парламент ратифицировал мизерным большинством программу вооружения западногерманского вермахта, в Англии было мало семей, где не вспоминали бы ожесточенные титанические налеты на наши города. А гитлеровская война, о которой так любят рассуждать вездеходные генералы? Она означала бы гибель нашего маленького, густо населенного острова.

Судьба мира, без сомнения, как никогда, зависит сегодня подавляющее большинство от английского народа. Однако есть и другие вопросы, в отношении которых простые люди интуитивно и которые вызывают неуклонное усиление активной оппозиции политике правительства.

Вскоре развернется мощное движение за повышение заработной платы — самое крупное после войны. Около 400 тысяч железнодорожников преисполнены твердой решимости начать забастовку 9 января, если не будет удовлетворено их требования — 15-процентное повышение заработной платы.

Лондонские автобусники, которые в октябре бастовали в течение недели и отказывались от всякой сверхурочной работы, готовы вновь начать забастовку и поддержать выдвигающую им требования, предусматривающего повышение заработной платы на 25 шиллингов в неделю.

СУДЬБА ФРАНЦИИ

Я. ВИКТОРОВ

Когда в 1940 году кучка испуганных людей, составлявших французское правительство, не рискнув опереться на всенародную поддержку, капитулировала перед германским милитаризмом, французский народ гневно заклеймил этих политиков, как «могилящиков Франции». Каким именем назовет он сейчас тех, кто, пренебрегая уроками истории, вопреки воле народа, вновь толкает страну на путь, ведущий к национальной гибели?!

1940 год был годом разгрома Франции, и началом ее возрождения, ибо народ взял дело освобождения в свои руки и создал могучее движение Сопротивления. Народ не примирился тогда с навязанной ему капитуляцией, он не примирится и не примирится и сейчас с навязанным ему решением.

Борьба против перевооружения Западной Германии, против восстановления германского милитаризма продолжается. Об этом свидетельствует обстановка, которая сложилась в настоящее время в стране. «31 декабря 1954 года», писала после голосования газета «Диберазон», — первый день сопротивления французского народа возрождению германского вермахта».

Не забудем, что обсуждение парижских соглашений началось с отклонения первой статьи внесенного правительством законопроекта, статьи о перевооружении Западной Германии и включении ее в западноевропейский союз. Статья была отклонена 280 голосами против 239. Казальшь бы, если — Национальное собрание высказалось против перевооружения Западной Германии. Но правительство Мендес-Франса, видимо, решило руководствоваться известным правилом Талейрана, который говорил: «Никогда не следуйте первому порыву, ибо он всегда хорош». Хороший порыв, правильное решение не устраивало Вашингтон, не устраивало Лондон. И правительство Мендес-Франса немедленно пришло к «сильным мерам». Оно поставило в связи с обсуждением парижских соглашений вопрос о доверии, пригрозив таким образом правительственным кризисом, нежелательным многим партиям по ряду внутриполитических соображений.

Путем неслыханного нажима, шантажа, бесчестных комбинаций, грубого нарушения парламентских правил, в обстановке беспрецедентного давления извне, доходящего до открытого вмешательства во внутренние дела со стороны Вашингтона и Лондона, правительство удалось собрать ничтожное большинство в 27 голосов, чтобы ратифицировать парижские соглашения. Именно ратифицировать, потому что за них голосовало меньшинство — 287 из 627 депутатов Национального собрания. Кто посмеет утверждать, что правительству выражено доверие французским народом и даже Национальным собранием? Кто посмеет утверждать, что правительство получило мандат на проведение политики, выраженной в парижских соглашениях? Ведь не кто иной, как сам Мендес-Франс утверждал, что «решение по вопросу о парижских соглашениях, принятое незначительным большинством, будет иметь в преобладающее не такое же значение и такое же влияние, как и отклонение».

Нет, правительство не получило доверия страны. Наоборот, оно растеряло последние остатки доверия, которое оно завоевало, когда, не подчинившись диктату Вашингтона, подписало мир в Индо-Китае. Народ осуждает политику нынешнего правительства в вопросе о парижских соглашениях. Результаты голосования, констатирует американское агентство Юнайтед Пресс, отражают «нескромное нежелание французских всех населения вооружать Германию».

Именно, всех слов населения. Об этом убедительно говорит не только подлинно всенародный размах движения протеста против парижских соглашений, но и самый характер голосования в Национальном собрании.

«Фигаро», известная как ярый борник парижских соглашений, с горечью резюмирует: «Национальное собрание разобито теперь, как никогда, и останется таким в будущем». Во всех словах населения существует глубокое недовольство политикой перевооружения Западной Германии.

Легко понять гнев французского народа, горечь и обиду всех истинных патриотов Франции. На карту поставлена судьба страны. Ее безопасность, ее независимость, ее будущее, самое ее существование отданы, — в случае осуществления парижских соглашений, — на милость боннских реваншистов и их заокеанских покровителей. Недаром же еще во время обсуждения

бесславной памяти «европейского оборонительного сообщества» старейший политический деятель Франции Эдуард Эррио, говоря об опасности восстановления германского милитаризма, напомнил слова Клемансо о том, что даже великие державы могут исчезнуть с лица земли.

Разве не ясно, что в случае осуществления парижских соглашений Франция перестанет быть великой державой, ее политика, ее судьба будет определять ось Бонн-Вашингтон? Уже в те дни, когда в Национальном собрании еще только начиналось обсуждение парижских соглашений, из Вашингтона неслись исповеданные высокомерного презрения угрозы. «В Вашингтонских кругах полагают», — передавало агентство АНСА, — что Франция не будет в состоянии самостоятельно разрешить серьезные политические и военные проблемы, связанные с ее положением в Европе, Африке и Юго-Восточной Азии».

Все более широкие слои французской общественности отчетливо сознают, что приведение в действие парижских соглашений было бы роковым для Франции. По соседству с Францией возникло бы агрессивное милитаристское государство с наиболее мощным в Западной Европе военным промышленным потенциалом, с реваншистскими устремлениями, направленными отнюдь не только на Восток, но и на Запад. Германский милитаризм, — в случае осуществления парижских соглашений, — будет хозяином в западноевропейском союзе и по «справа» сильного, и по «справа» фаворита и главного союзника Вашингтона, который рассматривает вермахт не только как ударную силу агрессивного атлантического блока, но и как своего жандарма, призванного держать в повиновении народы западноевропейских государств.

Франция будет играть в этом союзе подчиненную роль (ведь такого жизненной логика «политики с позиции силы» во всех ее проявлениях), не имея, по существу, никаких гарантий (кроме бумажных), никакой защиты ни против агрессивности германского милитаризма, ни против диктата Вашингтона. Стронники парижских соглашений, ратующая за их принятие в Национальном собрании, пугали противников ратификации неизбежной якобы «изоляция» Франции. Что может быть житейской этого аргумента? На деле именно осуществление парижских соглашений означает роковую для Франции изоляцию в рамках узкой, замкнутой, агрессивной военной группировки, изоляцию ее от народов Востока Европы, с которыми она связана традициями давней и испытанной дружбы. Ратификация означает потерю единственной и подлинной гарантии безопасности Франции, каким является франко-советский договор 1944 года, в свое время укрепивший не только военные позиции, но и международное положение Франции, открывший ей путь к возвращению в лоно великих держав.

Конечно, могут сказать: а английские гарантии? Ведь Англия тоже участник западноевропейского союза? Ведь именно английская дипломатия принадлежала инициатива пересмотра Брюссельского пакта и превращения его в западноевропейский союз. Но... дурные примеры не для того только существуют, чтобы им следовать. Напомним, что и в английской палате общин за парижские соглашения голосовало меньшинство. К тому же, едва ли западноевропейский союз, в который включена статья о фактическом его подчинении руководству Атлантического блока, то есть на деле американскому командованию, соответствует тем планам, которые вынашивались в Лондоне.

Что же касается взаимоотношений Англии и Франции, англо-французской Антанты, о которой так много писали недавно, то ведь от нее, если говорить серьезно, и духа не осталось. Парижские соглашения, предусматривающие союз с германским милитаризмом, начисто перечеркивают англо-французский договор 1947 года, направленный на предотвращение германской агрессии. И, может быть, совсем не случайно Гарольд Николсон, дипломат и публицист, искусный в делах Форейн-офиса, писал в статье, посвященной 50-летию Антанты и опубликованной в журнале «Спектейтор», что, собственно, англо-французский союз был явлением противостественным, а нормальным был бы англо-германский союз.

Стронники парижских соглашений, выдвигая свой фальшивый аргумент о мини-

мой изоляции Франции, напирала одновременно на необходимость сохранения так называемой «западной солидарности». Но не опасен ли во сто крат всякой изоляции, а тем более мнимой, «западной солидарности» с германским милитаризмом, осуществляемая в рамках агрессивного военного союза? Ведь только слепные могут не видеть, что подобный союз — это подготовка войны в Европе, шаг на пути к осуществлению главной задачи американской политической стратегии — восстановлению единого фронта Европы против других, чтобы таким образом укрепить свои позиции, чтобы повести дело к войне европейцев против европейцев. Так, если бросить на одну чашу весов так называемую «западную солидарность», а на другую — солидарность всех европейских народов в их стремлении к миру, то не должна ли перевесить вторая чаша, не должны ли победить интересы мира и безопасности всех европейских государств, независимо от их государственного и социального устройства.

Народы Европы, в том числе и народ Франции, хотят мира. Поэтому так настоятельно выдвигаемые французской общественностью, как и общественностью других западноевропейских государств, требования проведения мирных переговоров между Западом и Востоком. О том, насколько сильны эти требования, можно легко судить по тому, что сторонники парижских соглашений, вопреки фактам, вопреки очевидности, вопреки здравому смыслу, упорно распространяли лживую версию, будто парижские соглашения не только не явятся препятствием для переговоров, а даже якобы «облегчат» их. Реакция общественного мнения на голосование во французском Национальном собрании ясно показывает, что эти лживые утверждения не достигли цели. Общественное мнение обмануло: всем ясно видно, что парижские соглашения, в случае их осуществления, сделали бы беспрепятственными переговоры об объединении Германии, создали бы в Европе новую обстановку, резко усилили бы опасность войны. Для того, чтобы стали возможными переговоры о мирном урегулировании германской проблемы на демократической основе, проблемы, имеющей решающее значение для мира и безопасности в Европе, необходимо предотвратить осуществление парижских соглашений.

Стронники парижских соглашений пытались и пытаются утверждать, будто эти соглашения ведут к ликвидации франко-германских разногласий, будто они откроют «эру франко-германской дружбы». Трудно представить себе что-либо более неправдоподобное и бессмысленное, чем такие заявления. Германские реваншисты уже сейчас не скрывают, что как только в их распоряжении будет вермахт, они заговорят с Францией «другим языком», то есть языком диктата. На какой же основе будет строиться франко-германская «дружба»? На основе удовлетворения реваншистских устремлений германского милитаризма на Западе или на основе вовлечения Франции в военные авантюры германского милитаризма на Востоке? Сомнительная почва для укрепления дружественных отношений, за которые в первом случае Франция будет расплачиваться своей территорией, а во втором — кровью своих сынов, если не своим существованием.

Не может быть франко-германской дружбы на основе восстановления германского милитаризма, который является врагом не только французского, но и германского народа. Восстановление германского милитаризма не может не привести к обострению франко-германских противоречий.

Французский народ не допустит, чтобы его судьбу решали политические деятели с короткой памятью или фальшивые западные «дружбы», готовые толкнуть его на путь национальной катастрофы.

Французский народ знает, что, решая свою судьбу, он решает в большой мере и судьбу Европы и европейского мира. Это чувство великой ответственности не даст патристическим силам Франции сделать ложный выбор. В своей борьбе против восстановления германского милитаризма, против опасности новой войны французский народ встретит понимание и поддержку всех народов Европы, как Запада, так и Востока, его истинных друзей, тех, кому дороги революционные традиции Франции, ее многовековая культура, ее роль великой, независимой державы в семье всех европейских народов, объединенных в едином лагере мира.

Французский народ не допустит, чтобы его судьбу решали политические деятели с короткой памятью или фальшивые западные «дружбы», готовые толкнуть его на путь национальной катастрофы.

Французский народ знает, что, решая свою судьбу, он решает в большой мере и судьбу Европы и европейского мира. Это чувство великой ответственности не даст патристическим силам Франции сделать ложный выбор. В своей борьбе против восстановления германского милитаризма, против опасности новой войны французский народ встретит понимание и поддержку всех народов Европы, как Запада, так и Востока, его истинных друзей, тех, кому дороги революционные традиции Франции, ее многовековая культура, ее роль великой, независимой державы в семье всех европейских народов, объединенных в едином лагере мира.

Французский народ не допустит, чтобы его судьбу решали политические деятели с короткой памятью или фальшивые западные «дружбы», готовые толкнуть его на путь национальной катастрофы.

Французский народ знает, что, решая свою судьбу, он решает в большой мере и судьбу Европы и европейского мира. Это чувство великой ответственности не даст патристическим силам Франции сделать ложный выбор. В своей борьбе против восстановления германского милитаризма, против опасности новой войны французский народ встретит понимание и поддержку всех народов Европы, как Запада, так и Востока, его истинных друзей, тех, кому дороги революционные традиции Франции, ее многовековая культура, ее роль великой, независимой державы в семье всех европейских народов, объединенных в едином лагере мира.

Французский народ не допустит, чтобы его судьбу решали политические деятели с короткой памятью или фальшивые западные «дружбы», готовые толкнуть его на путь национальной катастрофы.

Французский народ знает, что, решая свою судьбу, он решает в большой мере и судьбу Европы и европейского мира. Это чувство великой ответственности не даст патристическим силам Франции сделать ложный выбор. В своей борьбе против восстановления германского милитаризма, против опасности новой войны французский народ встретит понимание и поддержку всех народов Европы, как Запада, так и Востока, его истинных друзей, тех, кому дороги революционные традиции Франции, ее многовековая культура, ее роль великой, независимой державы в семье всех европейских народов, объединенных в едином лагере мира.

Заботы и надежды англичан

В канун нового года, когда разнеслась весть о том, что французский парламент ратифицировал мизерным большинством программу вооружения западногерманского вермахта, в Англии было мало семей, где не вспоминали бы ожесточенные титанические налеты на наши города. А гитлеровская война, о которой так любят рассуждать вездеходные генералы? Она означала бы гибель нашего маленького, густо населенного острова.

Судьба мира, без сомнения, как никогда, зависит сегодня подавляющее большинство от английского народа. Однако есть и другие вопросы, в отношении которых простые люди интуитивно и которые вызывают неуклонное усиление активной оппозиции политике правительства.

Вскоре развернется мощное движение за повышение заработной платы — самое крупное после войны. Около 400 тысяч железнодорожников преисполнены твердой решимости начать забастовку 9 января, если не будет удовлетворено их требования — 15-процентное повышение заработной платы.

Лондонские автобусники, которые в октябре бастовали в течение недели и отказывались от всякой сверхурочной работы, готовы вновь начать забастовку и поддержать выдвигающую им требования, предусматривающего повышение заработной платы на 25 шиллингов в неделю.

Лондонские автобусники, которые в октябре бастовали в течение недели и отказывались от всякой сверхурочной работы, готовы вновь начать забастовку и поддержать выдвигающую им требования, предусматривающего повышение заработной платы на 25 шиллингов в неделю.

Профсоюзы машиностроителей единодушно потребовали, чтобы женщины, занятые в этой отрасли промышленности, получали хотя бы такую же заработную плату, как некавалифицированные рабочие — мужчины. Сейчас женщины — квалифицирован-

ные работницы — получают на 27 шиллингов в неделю меньше, чем, скажем, мужчины-уборщики.

Зарплата и в этом, новом году — самый насущный и большой вопрос для каждой трудящейся семьи, потому что стоимость жизни и, что важнее всего, стоимость продуктов питания в 1954 году сильно возросла.

С тех пор как картонная система и контроль над ценами были отменены, мясо, молоко, яйца, масло, маргарин, сыр, чай, кофе, сахар, мука — все вздорожало. Чай, например, в этом году поднялся в цене в четыре раза, и говорят, что скоро вздорожает еда.

Цены на яйца за год поднялись в два раза, значительно подорожали также масло и сахар, а что касается мяса, то за фунт приходится платить теперь 3 шиллинга и больше вместо прежних двух.

Нынешние цены на продукты питания довели пожилых пенсионеров до нищеты, которая сделается национальным позором и вынудила правительство пообещать повысить пенсии в новом году. Но это повышение будет оплачиваться... за счет всеобщего увеличения сборов по страхованию.

Довольно мрачная картина, не правда ли? Боясь, что да. Вне всякого сомнения, простая английская семья сегодня чувствует, что она находится в более стесненном положении, чем когда-либо за последние годы, и все больше тревожат ее военные приготовления.

И все же «срадрость берет свое». В 1954 году произошло немало хорошего, и все простые люди хотят, чтобы этого хорошего было еще больше. Речь идет прежде всего о более дружественном и тесном контакте между английским народом и народами Советского Союза, а также об улучшении отношений с Китайской Народной Республикой, благодаря поездкам в Китай руководителей лейбористской партии, видных представителей деловых кругов и делегаций деятелей культуры.

Мы твердо надеемся, что эти связи будут расширяться. Мы хотим, чтобы развивалась торговля между нашими странами, между Западом и Востоком. Такие люди, как Сергей Образцов, — его чудесный кукольный театр был собитым в театральную жизнь Лондона, — носят на своем плече гобулы мира. Мы хотим чаще видеть мастеров советского балета, советских спортсменов, хотим видеть у себя в гостях руководителей советских профсоюзов, ученых, преподавателей, деятелей культуры. Пусть наступивший новый год станет заметной, памятной вехой на пути взаимопонимания и дружбы наших народов.

Шейла ЛИНД, английская журналистка

ЛОНДОН.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: В. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИНА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, раздельно литературы и искусства — К 4-02-29, внутренняя связь — К 4-03-48, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

901201.